

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Андрей
НИКОЛАЕВ

[ПРАВИЛО РУССКОГО
СПЕЦНАЗА]

Мир Вечного

Андрей Николаев

Правило русского спецназа

«Автор»

«Автор»

2005

Николаев А.

Правило русского спецназа / А. Николаев — «Автор», «Автор», 2005 — (Мир Вечного)

Космическое пиратство – дело прибыльное, но опасное для самих звездных флибустьеров. В освоенной человечеством галактике наведен порядок, и торговые пути хорошо охраняются, так что ради наживы мало кто рискнет своей шкурой. А если пиратские армады станут политической силой и завоюют симпатии простых граждан? Цели новых пиратов, называющих себя гетайрами Александра Великого, не вполне ясны, зато правительству Российской империи известно, кто скрывается под именем Александра. Спасать честь правящего дома поручено Касьяну Полубою и его десанту «бешеных медведей». А Полубой давно знает, что в обитаемом космосе присутствует раса могущественных существ, готовая начать открытую экспансию...

© Николаев А., 2005

© Автор, 2005

© Автор, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Роман Злотников, Андрей Николаев

Правило русского спецназа

Глава 1

Когда на шести прогулочных палубах роскошного круизного лайнера САК «Перл-Бей» тревожно зазвенели баззеры аварийного предупреждения, пассажиры поначалу не слишком перепугались. Ну что может угрожать огромному и наполненному всеми мыслимыми системами безопасности круизному лайнеру, да еще здесь, на одном из самых популярных маршрутов, проходящем вблизи оси Келлингова меридиана? Даже знаменитый Агламба Керрор, и тот опасался заходить в эти области пространства, предпочитая промышленять много южнее. Да и в конце концов, Агламба Керрор был уникалом... ну и плохо кончил в назидание последователям. Так чего было бояться?

Сказать, что «Перл-Бей» был летающим городом, было бы не преувеличением, а преуменьшением. Это был не просто роскошный лайнер, на котором пассажиры перемещались из точки А в точку Б (хотя, конечно, многие из тех, кого называют сливками общества, так и делали), это был целый мир. Причем мир, предназначенный для того, чтобы на неделю, две или месяц оторваться от серых буден и погрузиться в настоящую сказку, причем сказку роскошную. Здесь были огромные леса, наполненные самыми экзотическими растениями. И величественные водопады, низвергавшиеся с заоблачных горных вершин. И бескрайние моря с широкими песчаными пляжами. На самом деле леса тянулись вглубь всего ярдов на триста, а все, что дальше, было сплошной голограммой, хотя и чрезвычайно качественной. Но если первые двести ярдов растения были рассажены так, что образовывали всего лишь уютные тенистые заросли и мягкие лужайки, то затем чаща становилась все более непроходимой. Ярдов за двадцать до голостены начинались заросли колючего кустарника, а за восемь – колючие кусты уже не просто царапали, но и жгли, так как их иглы вырабатывали сильный токсин (впрочем, вполне безопасный для человека). Так что даже самые любопытные туристы не рисковали приближаться к стене вплотную. Так же и горные вершины с водопадами позволяли забраться по своим сначала довольно отлогим, но затем все более и более отвесным скалам только до высоты полутора десятков ярдов. Выше начинались практически отвесные склоны, которые были чрезвычайно скользкими от висящей в воздухе водяной пыли. Ну а когда отважные пловцы пытались углубиться в океан, ярдов через сорок от пляжа их принимало в свои объятия созданное специальными насосами встречное течение. И чем сильнее они работали руками и ногами, тем сильнее был встречный поток воды. Так что и океанские дали также были недостижимы для упорных первооткрывателей неизведанного из числа скучающих туристов. Компания САК берегла психику своих гостей от травм разочарования. То есть гости, естественно, знали, что все, что они видят вокруг, – всего лишь иллюзия. Но знать – одно, а потрогать пальцем и убедиться – другое. Компания с удовольствием рассказывала обо всех технических ухищрениях в своем красочном буклете, но позволить туристам самим попробовать все это на зуб не позволяла. Чем ставила себе на службу психологический эффект – если видит око, да зуб неймет, то это вызывает лишь больше восхищения (и соответственно работает на репутацию компании). Впрочем, было еще одно соображение. В каждом заезде всегда находятся некие молодые люди с перекачанными в дорогих атлетических залах мышцами и явно недокачанными мозгами, которые в скором времени начинают создавать неприятности окружающим и персоналу. Так вот, персоналу в таких случаях негласно рекомендовалось слегка «подзадорить» подобных индивидуумов, дабы подвигнуть их достигнуть противоположного «края» лесов или «вершины» горы. После каковой попытки большинство из них становились совершенно адекватными и

более не доставляли никаких хлопот до конца круиза. Ну а остальным вполне хватало для развлечений ресторанов, ночных клубов, бассейнов, спортивных площадок, спа-центров и иных заведений, предназначенных для того, чтобы человек почувствовал себя в раю. Так что никто из пассажиров и не подумал о чем-то серьезном типа столкновения с метеоритным потоком или, не дай бог, с шальным астероидом. Печальная история «Титаника», далеким потомком которого был «Перл-Бей», давно изгладилась из памяти человечества.

Еще меньше пассажиры думали о вооруженном нападении на лайнер. Конечно, на некоторых трассах пошаливали – перехватывали грузовые суда, пакетботы, маленькие яхты, но чтобы кто-то осмелился напасть на лайнер компании САК – такого и в мыслях никто не держал. Ведь гарантию безопасности компании поддерживало правительство Содружества Американской Конституции, а это что-то да значит! Многие из пассажиров даже не оторвали своих задниц от удобных кресел уютных кафе, посчитав эту тревогу результатом излишней озабоченности капитана. Мол, согласно правилам безопасности в начале круиза положено провести две учебные тревоги – дневную и ночную, а наш ретивый капитан решил подстраховаться и провести еще и третью. Однако мелодичный голос пассажирского диспетчера, раздавшийся в динамиках, заявил, что, хотя особых поводов для беспокойства нет, капитан настоятельно просит всех пассажиров разойтись по своим каютам, так как в настоящий момент корабль будет совершать маневр уклонения от внезапно возникшей на маршруте области гравитационных возмущений и большая часть рекреационных и развлекательных комплексов будет отключена от энергетической сети корабля, дабы создать необходимый для маневра резерв мощности.

Спустя несколько минут после этого объявления, когда большинство пассажиров еще не успели добраться до своих кают, двигатели корабля действительно резко изменили тембр, а сам корабль содрогнулся будто от удара. Это породило легкую нервозность, но в общем-то пошло только на пользу, поскольку заставило большинство заметно ускорить процесс возвращения в каюты, которые на время стали им собственным домом. Что ни говори, а четыре стены своего жилища – отнюдь не эфемерная поддержка, иначе и не возникла бы в незапамятные времена поговорка: мой дом – моя крепость. Однако на этот раз крепость не выдержала штурма...

Когда абордажная команда неизвестного судна, с легкостью взломавшая внешнюю обшивку в районе грузовых трюмов, подавила слабое сопротивление экипажа и ворвалась в капитанскую рубку лайнера, ни один пассажир даже не подозревал о том, что лайнер захвачен пиратами.

Поэтому, когда на экране информационно-развлекательных терминалов пассажирских кают возник молодой и привлекательный мужчина в боевом скафандре с откинутым на спину шлемом, все было решено, что началась трансляция какого-то шоу. Этому способствовало еще и то, что мужчина широко улыбнулся и, вскинув правую руку на уровень плеча, громко, почти нараспев произнес:

– О-о, демос, хайрэ!¹ – Затем он перешел на стар-инглиш, и из его дальнейшей речи выяснилось, что лайнер захвачен. Но не обычными пиратами, а «гетайрами Александра». Видимо, поэтому пассажирам как представителям части народа и было предложено радоваться. Как ни странно, положительных эмоций никто не испытал – все с тревогой ожидали, что же последует дальше. Из речи молодого человека выяснилось, что он – капитан корабля пиратов, захвативших лайнер, и зовут его Филота. И вообще, все, что здесь происходит, – не обычное пиратство, а первый шаг к будущему «единению человечества в гомойоне равенства людей в разуме». Ибо то, как устроен мир сейчас, – несправедливо, а целью Александра Великого и его гетайров является возвращение в этот мир справедливости. Определение понятия «справедливость» дано не было, из чего пассажиры и команда заключили, что, скорее всего, оно заключается в лозунге «грабь награбленное».

---

¹ «Народ, радуйся!» – стандартное древнегреческое приветствие. (Примеч. авторов.)

Вывод «демоса» был вскоре подкреплен действиями пиратов: началась вполне объяснимая и обычная для всякого пиратского нападения суэта по взламыванию сейфов корабля, фильтрации пассажиров, освобождению их от всяческих ценных вещей и отбору заложников для получения выкупа, не сопровождавшаяся, однако, столь ожидаемой в такой ситуации грубостью. Более того, отобранным заложникам предоставили право взять все необходимое из личных вещей, а затем проводили к шлюзу сквозь коридор выстроенных по обе стороны галереи молодцов, замерших с клинками наголо, будто почетный караул. Остальных пассажиров, а также всех членов команды собрали в самом большом ресторане лайнера под названием «Маунтин блю», в котором «гетайр Филота» приказал накрыть столы и выставить на них несколько сотен бутылок коллекционного шампанского «Дом Периньон» и еще большее количество двенадцатилетнего элитного виски «Гленфидиш». Причем карта рассадки была продумана таким образом, что рядом с каждой дамой-туристкой оказался молодой (и, как выяснилось затем, чрезвычайно галантный) пират, а рядом с полудюжиной мужиков пираты постарше и покрупнее...

Так что когда «гетайр Филота» наконец встал и, произнеся тост «За Александра Великого!», приказал пиратам покинуть корабль, их сопровождали не проклетия ограбленных людей, а женские вздохи и рев полупьяных мужиков, сердитых на то, что разрушают «такую славную компанию».

Впрочем, посмаковав столь пикантные подробности, общественное мнение все равно сначала восприняло нападение на «Перл-Бей» как наглую попытку одного из неофитов криминального мира примерить на себя славу Агламбы Керрора. А поскольку сразу, как только информация о нападении достигла столицы Содружества Американской Конституции, с военных баз тут же стартовали усиленные патрульные эскадры, все сошлось на мнении, что подобные нападения больше не повторятся. Но как оказалось, теперь все обстояло совсем не так. Как выяснилось, на этот раз на торговых путях действовали несколько хорошо оснащенных эскадр. Спустя всего полторы недели в двух с половиной парсеках от атаки первого круизного лайнера был взят на abordаж другой. Капитан, захвативший его, назвался именем Пердикка и также представился одним из «гетайров Александра». И так же он и его подчиненные обошлись с пленниками – в высшей степени благородно и учтиво. Однако поскольку эти «гетайры» давно умершего героя древности посягнули на самое дорогое, что есть у любого гражданина Содружества, – его собственность и банковский счет, пресса уже вовсю затрезвонила о глобальной угрозе галактического масштаба. И тут случился инцидент с торговым судном «Мустанг».

Глава 2

Абордажный бой скоротечен, яростен и неистов.

Ушли в далекое прошлое времена, когда неповоротливые галеоны, хищные фрегаты или стремительные бригантины сходились «к борту борт», предварительно обменявшись залпами раскаленных ядер или рвущей паруса картечи. Канули в Лету сцепившиеся в сражении парусники, среди перепутанных снастей и обломков такелажа которых в сумасшедшей схватке перекатывались от бака к юту и обратно озверелые полуголые флибустьеры. Дым покрывал палубу, скользкую от крови, падали обломки мачт, калеча и убивая противников, и частенько, если побеждала одна сторона, находился смельчак, который предпочитал умереть с честью, но не посрамить флага, пусть это и был «Веселый Роджер». Смерть от клинка или пистолетного выстрела в упор он предпочитал плену и рабству, а если была возможность – пробивался к скрыт-камере, и тогда над морем взмывали в дыму и пламени обломки кораблей и акулы рвали на куски обожженные тела погибших и немногих выживших при взрыве пороховых погребов...

В схватке с военными кораблями пираты не ждали пощады и не давали ее, другое дело, если удавалось перехватить неповоротливую каравеллу, перевозившую вожделенное золото, драгоценности или редкие пряности. Состоятельные пассажиры могли надеяться, что останутся в живых при условии, что выкуп будет достаточно велик. Все прочие отправлялись за борт, и хорошо, если в шлюпках.

За несколько сотен лет пиратский промысел так и остался одним из самых выгодных, если, конечно, не учитывать возможность нарваться в конце концов на боевые корабли. Пеньковый галстук уже не грозил, но и рудники, на которых человек угасал в течение нескольких месяцев, мало кого привлекали.

Стремительное нападение из засады, короткий огневой бой, если жертва осмеливалась продолжать путь после требования застопорить ход, и абордаж – вот основная тактика, приносившая успех как столетия назад, так и в эпоху гравитационных орудий и расстояний, измеряемых не милями, ярдами и дюймами, а парсеками и световыми годами.

«Мустангу» не повезло. Несмотря на мощную энергетическую установку и двигатели, разгоняющие его до скорости, сравнимой со скоростями дальних перехватчиков, первый же залп «таранулов» накрыл его. Капитан Эванс проклинал себя за то, что понадеялся на быстротходность «Мустанга» – энергетическая установка вышла из строя, и корабль теперь двигался по инерции, выбрасывая в пространство струи мгновенно кристаллизующегося воздуха.

– Прикажете спустить флаг? – меланхолично спросил старпом – бледный датчанин с прозрачными глазами и редкими, почти бесцветными волосами.

«Спустить флаг» на жаргоне транспортников означало связаться с пиратом и попытаться выторговать наиболее приемлемые условия для сдачи.

– Черта с два! – прорычал Эванс. – Ты что, не понял, что нас ждали? Какая-то крыса в конторе заложила нас с потрохами, выдав время вылета. Ты представляешь, какой процент от выручки десяти тонн фруктов и отборных вин, произведенных на старушке Земле, он получит? Нет, Бьерн, нас не отпустят живыми. По всем частотам непрерывно передавать «SOS», команде приготовиться к отражению абордажа.

– Есть, капитан. А пассажиры?

– Заприте в каюте, чтобы не путались под ногами. Не хватало мне еще утирать сопли романтическим дамочкам и мальчишкам. – Капитан склонился к обзорному экрану. – Этот ублюдок не больше корвета, так что если отобьем десант, есть надежда, что кто-то успеет на помощь.

Пиратский корабль, как было ясно видно, в прежней жизни был грузовиком с неплохим ходом и дальностью действия. Какая судьба превратила его из мирного корабля в рышущего

по судоходным линиям хищника, теперь не узнал бы никто. Довооруженный шестью «тарантулами» – орудиями среднего калибра – и десятком «единорогов», он представлял опасность только для небольших транспортов, и «Мустанг», на свою беду, оказался именно таким.

Два десантных бота отвалили от корабля и, набирая скорость, понеслись к «Мустангу».

– Человек тридцать, – пробурчал Эванс, – разбить экипаж на две группы и перекрыть коридоры к рубке и грузовому отсеку. Бьерн, бери на себя трюм, я встречу их здесь.

Боцман Олаф Тьерндаль, коренастый, с бычьей шеей, круглой головой и маленькими глазками на красном лице, откатил дверцу каюты и посмотрел на ее обитателей – двух подростков шестнадцати и пятнадцати лет. Если бы не разница в росте, он бы ни за что их не различил – ребята были похожи как две капли воды. Они стояли рядом, исподлобья глядя на него.

– Так, парни, сидеть в каюте и носа не высовывать. Мы напоролись на скалу...

– Ладно заливать-то, Олаф, – сказал тот, что был повыше, – что, мы не отличим попадание в двигатели от шального метеорита? Пацаны с первого курса, и те поймут, в чем дело. Пираты?

– М-м... а хоть бы и так, – проворчал боцман. – Слышали, что я сказал? Я вас заблокирую. Может, и пронесет. Пират небольшой, есть надежда отбиться. Капитан уже послал «SOS».

– У вас каждый человек на счету, – сказал второй парнишка, и глаза у него загорелись. – Олаф, мы не подведем.

– Сидеть здесь и не дергаться, – взревел Тьерндаль, дико вращая глазами в надежде запугать ребят, – это вам не в спортивном зале сабельками махать. Вы хоть раз бывали в рукопашной? Штаны не успеете обгадить, а из вас уже лапши нарежут. Все, парни, отбой.

Тьерндаль отступил в коридор, из притолоки каюты выдвинулась толстая стальная плита и заскользила вниз по пазам.

Младший мальчишка дождался, пока плита чмокнет, присосавшись к полу, и бросился к своей койке – в маленькой каюте их было две, а кроме того, еще небольшой умывальник, совмещенный с туалетом.

– Слышь, Серый, может, не надо? – спросил тот, что постарше, озабоченно хмуря брови. – Небось боцман не сам решил, а слово капитана – закон на корабле. Мы ведь даже не гардемарины.

– То-то и оно. – Младший уже достал из сумки складной нож и, выбрасывая вещи, с головой полез в сумку. – Присягу мы еще не приняли, к команде отношения не имеем, так что вольные птицы. Ты представляешь, как ребята обзавидуются? Есть! – Он победно потряс лазерным размыкателем и бросился к двери. – Ну-ка, помоги.

Старший взял нож, выщелкнул автоматическую отвертку и принялся снимать панель справа от косяка двери. Несмотря на возраст, в тандеме братьев Григорьевых Юрий играл вторую роль, пытаясь по мере здравого смысла сдерживать необузданные порывы младшего брата Сергея...

«Мустанг» едва слышно дрогнул.

– Боты пришвартовались, – прокомментировал старший, снял панель и отступил в сторону, освобождая место брату.

Почти тотчас корабль содрогнулся – вышибные заряды прорвали прочный корпус. Падение давления на мгновение вызвало звон в голове. Застучали переборки, изолируя поврежденные отсеки, затем давление выровнялось, и Юрка сглотнул несколько раз.

– Та-ак, ну-ка, посмотрим... – Примерившись, Сергей повел размыкателем. Свет в каюте мигнул и погас. – Не то. А здесь?

Щелкнул, выключаясь, озонатор.

– Дай мне, – потребовал Юрка.

– Да тут один контакт и остался, – сказал Сергей. Чуть слышное шипение воздуха показало, что теперь он разомкнул то, что надо, – контакт аварийной переборки.

– Ох и влетит нам от капитан-лейтенанта.

– Стриж сам юнгой участвовал в десанте на Найроби. Забыл?

– Так то юнгой, – пробурчал Юрий, глядя, как Серега отвинчивает от стены штангу аварийного крепления индивидуальных средств спасения, по-простому – скафандров.

Самых скафандров не было, поскольку в маленькой каюте, рассчитанной на одного человека, едва уместилась вторая койка. Братья с помощью сложных маневров договорились с капитаном Эвансом о том, что полетят на его корабле до самого Нью-Вашингтона, куда шел «Мустанг», – уж очень не хотелось им торчать на Земле еще неделю в ожидании рейсового на Переяславль. «Мустанг» был быстрым кораблем и должен был сэкономить братьям еще сутки отпуска. Экономия, правда, вышла боком...

– Интересно, а Грейс и Валли тоже замуровали? – словно в задумчивости сказал Юрий.

– Только девчонкам не хватало сопли вытирать, – сказал Серега, почти слово в слово повторяя реплику капитана Эванса. – Рукопашная – мужское дело!

Две студентки из Калифорнийского института журналистики оказались их попутчицами и возвращались с практики, проведенной в одной из старейших газет Земли New York Times. Капитан Эванс был дядей Грейс и согласился взять на борт ее и подругу. Больше пассажиров не было, да «Мустанг» и не был рассчитан на перевозку людей – команда и груз, в основном скоропортящийся, чем и объяснялась быстроходность судна.

– Приподними переборку, – приказал Серега, стоя со штангой наперевес.

Юрка чуть присел и прижался к плите ладонями и грудью, лицо его покраснело. Между переборкой и полом образовалась узкая щель.

– Выше, – командовал Сергей, примеряясь подsunуть под переборку штангу, – еще выше.

– В ней килограммов сто, – прохрипел Юрка.

– А кто у нас рекордсмен по тяжелой атлетике? Давай, гордость курса!

Плита еще немного приподнялась, и Сергей ловко всунул в щель штангу.

– Есть! Сейчас поднимем ее – и в рубку.

По коридору прокатилась волна звона и криков, ребята отпрянули от двери – кто-то бился не на жизнь, а насмерть прямо возле их каюты. Они узнали голос боцмана, подбадривающий своих людей. Потом раздался крик, от которого по коже продрал мороз. Сергей побледнел и взглянул на брата. На скулах Юрки ходили желваки. Звон клинков отдалился, братья переглянулись.

– Ну что, все еще хочешь подраться? – спросил Юрий.

Сергей сверкнул глазами и вместо ответа потащил к двери койку.

– Взяли.

С помощью штанги они приподняли переборку. Плита неохотно пошла вверх. Пока старший брат удерживал ее, младший втолкнул под нее спинку койки и ужом проскользнул в коридор. Юрий оглядел каюту, сунул в карман нож и последовал за ним.

Прямо перед дверью лежал труп матроса. Сергей узнал его – это был рулевой. Только два часа назад они спорили за завтраком, обгонит «Мустанг» русский фрегат типа «Бойкий» или будет глотать выхлоп, а теперь он лежал, раскинув руки, и голова его была вывернута под неестественным углом, потому что держалась на лоскуте кожи. Шея матроса была почти перерублена ударом секиры. Ее обладатель – худой верзила в потертой абордажной броне далеко не ушел: схватившись ладонями за взрезанное горло, он еще дергался в агонии. Стены и даже потолок были забрызганы кровью, ее тошнотворный запах пропитал воздух, будто на бойне.

Возле стены, придерживая окровавленными пальцами распоротый живот, сидел Олаф Тьерндаль. Он повел затуманенными мукой глазами на мальчишек и прохрипел:

– Парни... вытащите из каюты студенток и попытайтесь пробраться к спасательным капсулам. Они не берут пленных...

Юрка скрипнул зубами и подобрал абордажную саблю боцмана.

– Все равно уйти не дадут – расстреляют, как в тире, – сказал он.

Сергей метнулся в каюту и через секунду появился вновь с аптечкой в руках. Он вкатил боцману обезболивающее, взял саблю рулевого и, морщась, вытер кровь на рукояти.

Переглянувшись, братья не стовариваясь бросились в сторону рубки, откуда еще доносились звуки боя.

– Эх, пацаны... – прошептал Тьерндаль.

Под началом Эванса оставалось всего семь человек – остальные погибли в коридорах, отстаивая каждый метр палубы. Силы были неравны – пираты, привычные к ближнему бою, дрались умело, лишний раз не подставляясь под удары абордажных сабель. Они не ожидали столь яростного сопротивления, однако теснили экипаж «Мустанга» шаг за шагом, чтобы блокировать в рубке, без помех забрать груз, после чего расстрелять корабль из «онагров».

Сергей увидел перед собой спины в абордажных скафандрах и бросился вперед, нацелившись на здорового пирата с бритой головой, деловито орудующего широкой кривой саблей.

– Обернись, – закричал он, не желая бить в спину, – обернись, ты, лысый!

Пират оглянулся, небрежно отвел бронированным предплечьем удар сабли и коротко размахнулся. Серега упал на колено, увидел, как опускается кривой клинок и закрыл глаза, однако удара не последовало. Вместо этого раздалось яростное рычание, на лицо ему упали теплые брызги и чья-то рука, схватив его за воротник, вздернула на ноги. Это Юрка, увидев, как брат не удержался на ногах и лысый пират вот-вот снесет ему голову, с размаху рубанул через загорелое лицо – лысый схватился за глаза, взревел и опрокинулся на спину.

– Вперед, ребята! – заорал Эванс.

Пираты, не ожидавшие нападения с тыла, опешили. Сабельный бой перешел в свалку, в которой, пусть и на короткое время, верх одержал экипаж «Мустанга». Пираты отпрянули, не желая умирать, когда добыча считай в кармане, и Эванс, приказав подобрать раненых, отвел людей в рубку.

Юрка, схватив брата за грудки, прижал его к переборке и зашипел в лицо, яростно сверкая глазами:

– Ты что, Д'Артаньян хренов, на дуэль собрался? Если кто не успел защитить спину – это его проблемы, понял? *A la guerre comme à la guerre!* Может, ты еще и перчатку ему бросить собрался?

– Ну ладно. Юр... ну чего ты... – бормотал бледный Серега, – ну понял я все.

Юрка отпустил брата, потрогал разбитую губу и сплюнул кровь. Серега шмыгнул носом.

– А здорово ты его, – сказал он. – Видел, как глаз вытек?

Юрка внезапно позеленел, согнулся, и его бурно вырвало.

– Так, парни, – капитан Эванс, бинтуя ладонь, подошел к ним, саблю он держал под мышкой, – какого черта вы здесь оказались? Я приказал сидеть по каютам.

– Есть приказы, капитан, – звенящим голосом ответил, вытянувшись во весь рост, Сергей, – которые не позволяет выполнить честь русского офицера!

Юрий встал рядом с ним, украдкой вытирая рот.

Эванс хмыкнул, разглядывая ребят. Один был бледный, другой – нежно-зеленый, но глаза у обоих горели, и у капитана язык не повернулся высказать все, что он думал про сопливых мальчишек.

– Лишняя пара сабель не помешает, – солидно сказал Юрка.

– Но и не спасет, – буркнул Эванс. – Ладно, будем думать, что делать дальше. Сюда они не полезут – зачем им людей терять. Блокируют нас, заберут товар и взорвут к чертям. Стало быть, выход один: пробиться к трюмам – там Бьерн, если еще жив, – и держаться там. Может, кто и подоспеет.

Собрав вокруг себя остатки команды, капитан разъярил задачу. Лица экипажа были угрюмы, и на них читалось явное нежелание снова лезть в драку, однако все понимали, что выхода нет.

– Какие мы офицеры? – шепотом укорил Юрка младшего брата. – Третий курс только. Вечно ты ляпнешь, не подумав.

– Ну будущие офицеры. – Серега упрямо мотнул головой. – Зато представь, что скажет капитан-лейтенант Стриж!

– Он и говорить ничего не будет – надерет задницу и мне и тебе, а потом в наряд на весь год определит.

– Да брось ты...

Они пробились к трюмам, потеряв еще двоих, но все было напрасно – команду Бьерна вырезали всю, их тела валялись в коридорах. Эвансу топором развалили плечо, и остатки экипажа сгрудились вокруг капитана, из последних сил отбиваясь от пиратов.

Двойной удар по корпусу приостановил схватку. Видимо, капитан пиратского корабля, не дожидаясь доклада о захвате «Мустанга», выслал призывную команду.

– Все, – выдохнул Юрий, – все, Серега. Кранты...

– Эх... прости, Юрок. Это я тебя втянул...

– Справа смотри! – крикнул Юрий, отталкивая брата в сторону.

Бородач с малайским крисом и серпом на цепи ударил Сергея справа длинно, с потягом, через грудь. Волнистый крис должен был развалить Сергея пополам, но встретил клинок старшего брата. Юрий отвел удар, потерял равновесие, и серп, свистнув, чиркнул его по горлу...

В пылу сечи никто не заметил, как переборка шлюзового отсека пошла вверх. Звонко щелкнули арбалеты. Толстые стрелы пробили абордажные скафандры, разом уполовинив количество пиратов, и в гущу сечи ворвались сверкающие серебром брони молчаливые бойцы.

Через три минуты все было кончено: оставшихся в живых пиратов поставили на коленях вдоль стены, остатки экипажа «Мустанга», не веря в избавление, все еще не опускали оружие.

Вперед вышел мужчина в вороном с синим отливом скафандре. Худое хищное лицо излучало властность, в каждом жесте чувствовалась привычка повелевать, в коротких вьющихся волосах красноватого оттенка чуть заметно серебрилась седина.

– Опустите оружие, господа, – властно сказал он.

Эванс, с трудом поднявшись на ноги, подтвердил его распоряжение жестом.

– Вы удивительно вовремя, – сказал он. – Кого нам благодарить за спасение?

– Меня зовут Гефестион, – ответил мужчина, – я гетайр Александра Великого.

– О черт! – сказал Эванс. – Рано я обрадовался.

– Как знать, – усмехнулся Гефестион. – Однако вы здорово бились, капитан.

– Что толку? Это все, что осталось от команды, двигатели разбиты, энергетическая установка повреждена, а груз... – Эванс махнул рукой. – Думаю, он и вам пригодится.

– Я, капитан, обычно брезгую надкусанным яблоком, – высокомерно ответил гетайр, – так что оставьте ваши терзания относительно груза. Энергетическую установку мы вам наладим и разгоним «Мустанг» до нужной скорости. Вы только немного опоздаете в порт назначения.

– Я не верю своим ушам, – буркнул Эванс, – вы точно не из Армии Спасения?

– Определенно нет. От вас лишь потребуется рассказать все, что вы увидели и увидите. – Гефестион заметил стоящего на коленях возле тела брата Сергея. – Молодой человек из вашей команды?

– Нет, пассажир.

Сергей осторожно, будто боясь причинить неудобство, отпустил тело Юрия и поднялся на ноги. Губы у него предательски дрожали.

– Юрий и Сергей Григорьевы, кадеты Его Императорского... имени... третьего курса... –
Слезы хлынули у него из глаз, и он, не сдерживаясь, заплакал, всхлипывая и даваясь рыданиями. – Что я... маме скажу?

– Что ваш брат погиб как герой, – сказал гетайр.

– Матери это все равно, – хмуро проворчал Эванс.

Глава 3

«...Завидовать стране, воспитавшей юных героев! Не случайно флот Российской Империи, сходный по составу боевых кораблей и их техническим характеристикам с флотами и Содружества, и Лиги, и Империи Ниппон, не говоря уже о флоте Султаната Регул, намного превосходит их по боевому духу экипажей. Регул уже успел в этом убедиться, и не дай, как говорится, Господь, если русским придется показать свое превосходство еще кому-нибудь. Хочется надеяться, что и Александра, и его гетайров минет сия горькая чаша.

Гетайр Гефестион приказал воздать воинские почести погибшему кадету Юрию Григорьеву, после чего поступил таким образом, что мне пришлось усомниться в его приверженности демократическим принципам и гуманизму, но с моих уст не сорвется ни слова осуждения. Весь экипаж пиратского корабля был оставлен на собственном судне, после чего корабль гетайра – «Миеза» расстрелял его в упор.

Заявление гетайра Гефестиона, содержащее предупреждение так называемым флибустьерам нового времени, уже прозвучало по всем новостным каналам, так что мне нет смысла приводить его. Я отмечу главное: в галактике появилась новая грозная сила, и от доброй воли народов и правительств зависит, как принимать ее. Как угрозу обществу либо как путь к новому миру, в котором сотрутся границы секторов и вышедшее в безбрежный космос человечество заживет в согласии, совершенстве и справедливости.

Если Александр Великий обладает хотя бы половиной дара убеждения, шарма, галантности и чувства ответственности за людские судьбы, которые проявили его гетайры, то дай бог побольше таких...»

Статья очевидицы событий на «Мустанге» Грейс Диллингем в «Нью-Вашингтон геральд» наделала много шума, однако правительственные круги хранили молчание, в котором чувствовалась растерянность. С одной стороны, Александр Великий и присные – явные пираты, пусть и прикрывающиеся красивыми лозунгами, с другой – жесткие меры по отношению к новоявленному мессии могли вызвать народное недовольство. Русские пока также хранили молчание, хотя в «Петербургских ведомостях» промелькнуло сообщение о награждении орденом «Честь и слава» третьей степени Сергея Григорьева и Юрия Григорьева (посмертно). От Лиги Неприсоединившихся Государств быстрой реакции ждать вообще не приходилось – там, как обычно, долго раскачивались; Империя Ниппон сделала невнятное заявление о безграничности Вселенной, в которой места хватит всем, а в султанате ждали появления на свет очередного отпрыска султана Махмуда и потому меньше всего были озабочены каким-то там Александром, пусть и Великим.

Пока правительства пребывали в затруднении, произошло еще одно из ряда вон выходящее событие.

Полторы недели спустя был захвачен конвой с «мороженым мясом» для Небесной Луанды, набранным на диких планетах Окраин и в самых бедных провинциях Султаната Регул. Для пиратов это был из ряда вон выходящий случай. Дело в том, что такие конвои сами по себе считались пиратством, и военные патрули всех цивилизованных государств в случае перехвата с ними особо не церемонились. Однако прибыль окупала любой риск. Но пиратский капитан, рискнувший пойти на захват конвоя, тут же восстанавливал против себя самых влиятельных боссов криминального мира. Однако один из «гетайров Александра», на этот раз назвавшийся именем Птолемей, в жестокой схватке разодрал в клочья эскадру прикрытия и захватил три транспорта с «мороженым мясом», но вместо того чтобы продать десятки тысяч лежащих в глубоком анабиозе рабов на черном рынке, привел транспорты к Ракуоле, независимой планете, находящейся под протекторатом Содружества Американской Конституции, и объявил, что, «следуя поучениям Аристотеля, устремлениям Александра и собственной воле, возвра-

щает рабам свободу и заявляет, что отныне ни один человек не может властвовать над жизнью и смертью другого так, как это делается с людьми, заключенными в этих летающих тюрьмах». Этот поступок произвел настоящий шок в цивилизованном мире. К тому моменту из плена начали возвращаться заложники, за которых был уплачен выкуп. И они рассказали просто удивительные вещи. Во-первых, все они пребывали в полном восторге от «невероятного приключения», в котором поучаствовали, пусть и не по своей воле. По их рассказам ко всем взятым в заложники отношение было в высшей степени предупредительным. Их поместили в апартаменты, не слишком уступающие в роскоши и удобстве тем, которые они занимали на борту своих круизных судов. Охрана была вышколена, обслуга крайне предупредительна, а на ежедневных обедах непременно присутствовал кто-то из «гетайров Александра», каковые показали себя людьми благородными, великолепно образованными и утонченными. Пару раз на обедах присутствовал и сам Александр Великий, оказавшийся молодым человеком весьма привлекательной внешности (некоторые дамы называли его чрезвычайно сексуальным) и явно незаурядного ума. Лорд Веллингтон, угодивший в заложники одним из первых и также одним из первых освобожденный, настолько попал под его очарование, что даже заявил во всеуслышание, что, «когда молодой человек попадет в руки правосудия, я предоставлю ему своего личного адвоката и оплачу его услуги».

Всеобщая истерия восхищения Александром Великим и его гетайрами приняла небывалый размах.

Песня «Возьми меня в плен», исполненная всеобщей любимицей, актрисой и певицей Айрис Хейденхолд и посвященная Александру Великому, стала международным хитом и заняла первые места в хит-парадах Содружества, Лиги Неприсоединившихся Государств и даже Империи Ниппон. На волне успеха композиции появилась целая индустрия компьютерных игр, предлагавших разыгрывать космические баталии, выступая в роли Александра или его гетайров, а в награду получить любовь прекрасной Айрис. Кстати, певица и актриса пообещала продюсировать съемки нового блокбастера, в котором сыграет главную роль: Александр Великий приходит к власти в освоенной части Вселенной, и перед ним склоняются и Содружество Американской Конституции, и Лига Неприсоединившихся Государств, и Российская Империя, не говоря уже об Империи Ниппон. По сценарию лишь Султанат Регул пытается противостоять божественной власти, но мусульмане, охваченные всеобщим порывом восхищения новым мессией, сметают монарха и отдаются под руку Александра и его прекрасной подруги Айрис.

Межзвездное Сообщество геев и лесбиянок приняло Александра в почетные президенты, мотивируя оказанную честь тем, что сексуальная ориентация самого Александра Македонского до сих пор не была определена. Парад, проведенный приверженцами однополой любви в столице Содружества в честь избрания, обернулся массовыми драками с натуралами, которые шли под лозунгом «Оборвать голубые и розовые лапы, протянувшиеся к великому полководцу!».

Родившихся младенцев повсеместно нарекали именем Александр; сходившие со стапелей яхты называли исключительно «Македония», «Фаланга», в крайнем случае – «Стремительный аргиропид».

Член Российской государственной думы от партии социал-либералов С. А. Шлагбаум публично сменил имя и потребовал, чтобы к нему теперь обращались не иначе, как Гай Юлий Александрович-Македонский.

Группа католиков с планеты Бразилиа потребовала от престола Святого Петра немедленно канонизировать Александра Македонского, его отца Филиппа, мать Олимпиаду, а заодно, вероятно под шумок, нападающего сборной планеты по футболу Кристиана ди Сарье. На осторожный вопрос папского нунция (осторожность была вызвана тем, что католические приходы на отдаленных планетах все больше удалялись от христианских догм и суровый запрос мог отторгнуть полумиллиардную паству), чем же таким отличился футболист, ему было заяв-

лено, что, судя по феерической игре, нападающий несомненно является одним из ближайших сподвижников Александра, а возможно, и родственником.

Средства массовой информации наперебой строили предположения, кем на самом деле являются Александр и его сподвижники, именующие себя гетайрами, и чем невероятнее версии выдвигались, тем больший успех они имели у обалдевшей от напора прессы и других масс-медиа публики. Появились слухи, что один из гетайров, принявший имя Лисимах, – сын одного из столпов финансового мира Содружества Американской Конституции Иеронима Арсфельда; другой, выступающий под именем Антигон, – на самом деле знаменитый генерал Манштейн, лишившийся левого глаза во время Ортольской десантной операции (настоящий Антигон I носил прозвище Одноглазый), а тот самый Птолемей, после своего головокружительного шоу с «мороженым мясом» почти единогласно награжденный в принявшей правила игры глобальной прессе прозвищем Сотер, то есть Спаситель (каковое носил и тот самый первый Птолемей – настоящий полководец Александра Македонского), – вообще племянник русского императора.

Среди хора славословий почти незамеченными проскользнули сообщения о нападении чрезвычайно мощной безымянной эскадры пиратов (каковую по прогнозам аналитиков могли собрать только так называемые гетайры со своим Александром) на рудники компании «Юниверсити Маунтейн». Орбитальные охранные комплексы были уничтожены вместе с персоналом, которому не дали возможности спастись, после чего в район рудников был высажен десант. Загнав рабочих и служащих в грузовик, прилетевший недавно для очередной смены шахтеров, пираты подняли его на орбиту, после чего вывели из строя двигатель. Оборудование рудников вывезли в неизвестном направлении, прихватив также обогащенную руду, добытую за последние полгода.

Патрульный корвет Содружества едва успел перехватить грузовой корабль с рабочими – через два часа грузовик с полутора тысячами людей сгорел бы в атмосфере. Это как-то не вязалось с предыдущими заявлениями Александра о ценности человеческой жизни, однако на фоне общей увлеченности новым героем прошло незамеченным.

В результате нападения акции «Маунтейн» упали на тридцать четыре пункта, чем и воспользовался концерн «Макнамара инк.», давно точивший зубы на горнорудную компанию. Скупив акции по дешевке, Майкл Макнамара получил контрольный пакет, и теперь семьдесят процентов добычи френиума были сосредоточены в его руках.

Посол Содружества Джон Прескотт был вызван в Министерство иностранных дел Российской Империи, хотя по просочившимся в прессу слухам сам добился этого приглашения. В отсутствие журналистов посол задал прямой и недвусмысленный вопрос, насколько заинтересовано правительство России и сам император в пресечении деятельности этой новой пиратской республики. Посол получил такой же прямой ответ, что флот его императорского величества готов согласовать действия объединенной эскадры при условии, что командовать ею будет русский адмирал. Поскольку правительство Содружества было заинтересовано в пресечении деятельности Александра больше, чем русские (пираты действовали именно в секторах Содружества), предложение было принято, хотя и завуалировано введением, кроме поста командующего флотом, еще и поста командующего объединенными силами, который должен был занять один из американских адмиралов пенсионного возраста.

Таир выделил легкий крейсер и четыре эсминца. Лига Неприсоединившихся Государств также выразила готовность принять участие в операции двумя тяжелыми крейсерами, шестью эсминцами, десятью корветами и финансовой поддержкой. Империя Ниппон выделяла авианосец «Микадо», три легких крейсера и флотилию фрегатов, и только Султанат Регул высказался в том смысле, что границ султаната Александр пока что не нарушал, а потому солнцеликий, бесстрашный и грозный Махмуд, повелитель Вселенной и всего, до чего дотянется его могучая рука, не имеет к нему претензий.

Претензии появились очень скоро – рейдер под командованием гетайра Лисимаха устроил засаду на пути следования каравана, перевозившего ежегодные дары правителей подконтрольных Махмуду планет своему владыке. Несколько тонн золотых украшений, драгоценности и меха, редкие животные, призванные радовать взор султана, и дикие птицы, способные пением обласкать тонкий слух бесстрашного и грозного, перешли в руки гетайра. А также много чего по мелочи, как то: редкоземельные металлы и обогащенная руда для промышленных центров султаната. Но главное – на личной яхте султана, по размерам сравнимой с круизным лайнером, перевозилось обновление гарема солнцеликого: семьдесят семь наложниц, избранных услаждать ночи Махмуда, даруя ему негу и покой после ежедневных непосильных трудов на благо подданных. Все это двигалось в составе шести транспортов и яхты, сопровождаемых двумя крейсерами и пятью корветами в направлении Регула.

Оба крейсера, охранявшие транспорты с флангов, вышли из строя, напоравшись на минные поля, прикрытые пассивными полями отражения. Пока два из пяти корветов спешили на помощь крейсерам, три оставшихся, сгруппировавшиеся ввиду тревоги в авангарде конвоя, получили залп планетарной мортиры, которую рейдер загодя привел к месту схватки. После чего против Лисимаха остались только легкие суда и, маневрируя, он расстрелял пытавшиеся сблизиться с ним оставшиеся на ходу военные корабли. Ответный огонь был не эффективен – орудия корветов сильно уступали нападающим; кроме того, командиры были деморализованы неожиданной и эффективной атакой.

Золото, драгоценности и промышленные товары испарились в необъятном космосе, а яхту с наложницами и транспорт с животными, без экипажей, через неделю обнаружили на орбите Рио-де-Луна, веселой планеты, обеспечивающей развлечениями сектор пространства на границе Империи Ниппон, Содружества и Лиги. Все семьдесят семь красавиц обеспечили себе безбедное существование, продав экзотических животных и птиц, а также яхту и транспорт и приняв подданство Содружества.

На месте боя остались поврежденные крейсера, планетарная мортира, которую невозможно было использовать, поскольку после единственного выстрела она вышла из строя, и обломки двух корветов.

То, что операция Лисимаха была спланирована заранее – одна доставка орбитальной мортиры требовала длительной подготовки, не говоря уже о расстановке минных полей, было ясно даже обозревателям новостей. Суровые меры последовали незамедлительно: по обычаю султаната, допустившие промах военачальники и приближенные лишались при выходе в отставку не только должности, но и головы. Не ограничившись чисткой флота, обуреваемый жаждой мести султан, попавший в смешное положение, выделил две эскадры с целью покарать зарвавшегося пирата, однако ни русские, ни Содружество не пропустили флот Махмуда через свои сектора, а идти на Александра по периферии Келлингва меридиана было слишком долго и накладно. После долгих переговоров Махмуд согласился объединить усилия и передать карающий меч из своей могучей руки в руки командующего объединенным международным флотом адмирала Белевича.

Пока разведка пыталась обнаружить базы Александра, флот отрабатывал слетанность входящих в объединение эскадр – такое объединение международных сил требовало серьезной боевой подготовки. Полную секретность было, конечно, невозможно обеспечить, и приходилось мириться с тем, что флоту будет оказан «горячий» прием – успехи Александра и его гетайров позволяли предположить, что противостоять объединенным силам будет блестящий тактик и стратег.

Глава 4

Перед Небогатовым швейцар вытянулся, выпятив грудь колесом и поводя от усердия заиндевельными усами – в черной шинели и высокой папахе вид у капитана первого ранга был и впрямь представительный. Широко распахнув дверь, он пропустил Небогатова, придержал ее перед Полубоем – благодаря огромной фигуре, затянутой в зимнюю форму морских пехотинцев, тот поневоле внушал почтение. Бергер удостоился беглого взгляда и вежливого поклона, поскольку был в штатском и смотрелся хоть и элегантно, но обыденно, как, впрочем, и следовало выглядеть при его профессии.

Сбивая снег, затопали в мраморный пол, Небогатов о ладонь небрежно выбил снег из папахи.

В дверях зала уже встречал приветливый метрдотель. Склонив голову с редкими на темени, прилизанными волосами, он приветствовал гостей общим поклоном и жестом пригласил следовать за собой.

– Вполне могли поговорить в «Трех пескарях», – пробурчал Полубой, чувствуя себя неловко.

Рядом с друзьями, ловкими и привычными к атмосфере ресторана, он казался себе фермером, ввалившимся на детский праздник прямо в рабочей одежде. Еще в училище в то время, как многие пытались откосить от нарядов, Полубой с радостью шел в любой наряд, если на этот день в расписании стояло занятие по этикету, поскольку искренне полагал, что три вида ножей, два вида ложек и четыре вида вилок, умение пользоваться каковыми считалось непременной принадлежностью русского офицера, придумали какие-то жутко коварные враги и именно с целью насолить лично ему, Полубою.

– В «Три пескаря» будешь ходить со своими орлами, – сказал Небогатов.

– Ну в штабе могли поговорить, – продолжал бурчать Полубой, – а здесь, у всех на виду...

– Я есть хочу, а в штабном буфете одни пельмени, – перебил его Небогатов. – Костя, объясни господину капитану третьего ранга, что чем меньше мы будем скрываться, тем менее подозрительно будем выглядеть.

– Совершенно верно, – кивнул Бергер, цепко оглядывая зал, – просто встретились три старых закадычных друга, решили в кое-то веки вместе пообедать. Кому это интересно?

С высокого потолка, поддерживаемого колоннами, украшенными лепниной, спускались хрустальные люстры. Гул голосов, звяканье приборов, звон бокалов и запахи изысканной пищи постепенно примирили Полубоя с обстановкой, однако по инерции он продолжал ворчать:

– Довела Дума – в столице империи от шпионов спрятаться негде. Куда государь смотрит?

– Не от шпионов, Касьян, – поморщился Бергер. – Ну не строй из себя деревенского увальня. Не дай бог корреспонденты узнают что-нибудь о вашем задании. Шум будет на всю галактику.

Метрдотель проводил их к столику недалеко от полукруглой эстрады, задрапированной черным бархатом, подождал, пока гости рассядутся, и, приняв от официанта меню, с поклоном передал Небогатову – столик заказывал он.

– Что порекомендуете, Федор Модестович? – спросил Небогатов, откладывая меню в сторону.

– Сегодня прекрасный выбор блюд. На закусочку рекомендую устриц...

– Надеюсь, не средиземноморские?

– Как можно, Кирилл Владимирович? – Метр слегка развел руками в недоумении. – Мы берем исключительно на фермах Емельянова. Ставриакис хоть и рекламирует свой товар, однако цена явно не соответствует качеству. У нас исключительно атлантические устрицы.

Конечно же потреблять следует с лимонным соком. Впрочем, если господа пожелают, можно подать и соус табаско, однако я считаю, это лишнее.

– Вино?

– Рекомендую Chablis Ropiteau. Свежее, живое и очень сбалансированное вино с преобладанием минеральных и сланцевых тонов.

– А пивка... – начал было Полубой.

– Касьян! – укоризненно сказал Бергер.

– Разумеется, есть и пиво. – Метрдотель пожевал губами и посмотрел вдаль, будто опасаясь выдать свое удивление выбором клиента.

– Ни в коем случае, – прервал его терзания Небогатов. – Устрицы и шабли. Думаю, горячей закуски не надо, а вот от холодной не откажемся. Ну а на первое, может быть, что-то из французской кухни. Консоме...

– Кирилл, договорились же! – остановил его Бергер. – Ты заказываешь закуски и десерт, а я – остальное.

– Ладно. – Небогатов махнул рукой. – Итак, закуска?

– Салатик из перепелов с раковыми шейками на закуску или салат «Славянский» со свежей зеленью, физалисом и свиной.

– Перепелов.

– Отлично. – Метр сделал пометку в блокноте. – На первое рекомендую ушицу «Ростовскую» с форелью и с рыбными расстегайчиками либо соляночку «Екатерининскую» в горшочке. С морозца исключительно впечатляет.

– М-м... неплохо, – одобрил Бергер.

– С морозца водочка впечатляет, – не согласился с метрдотелем Полубой.

– Сколько?

– Ну-у... думаю, по триста «Династии».

– Триста на всех, – поправил Бергер. – Мне уху. Кирилл?.. Тоже. Касьян?.. Ну, стало быть, две ухи и солянку. Что со вторыми блюдами?

– Завиванцы из свиной вырезки с мозгами и белым соусом, телячья ножка с красной фасолью и заморскими овощами...

– А что-то сугубо русское, – прервал его Бергер, – что-то наше, славянское?

– Зайчик по-русски в сметане, – мгновенно отозвался метр.

Полубой пренебрежительно скривился:

– Что с того зайчика? Так, косточки обглодать.

– Ну это вы напрасно, господин майор, – загорячился метр, – упомянутый заяц размерами истинно орловский рысак, вот не сойти мне с этого места, – он истово перекрестился, – зимний, нагульный...

– Значит, решено: нагульного рысака по-русски в сметане, – усмехнулся Небогатов. – А с десертом, Федор Модестович, идите пошепчемся.

Метр склонился к нему, и они вполголоса обговорили десерт.

Бергер дождался, пока метрдотель отошел, достал из кармана акустический детектор, положил его на стол и накрыл салфеткой под насмешливым взглядом Полубоя.

– Посторонний интерес к беседе нам без надобности, так не будем полагаться на наше русское «авось», – пояснил Бергер.

Из троих друзей он был наиболее ярим славянофилом, несмотря на фамилию, что служило постоянной пищей для шуток. Впрочем, от далеких немецких предков у него остались только фамилия и семейная традиция называть первого ребенка в семье именем Карл, как завещал основатель династии Бергеров. Сам Карл Иеронимус Бергер, химик и врач, начинал службу в России еще в конце семнадцатого века и умер, ликвидируя очаг холеры под Астраханью в одна тысяча семьсот двадцать шестом году.

– Если будет посторонний интерес, я тебе и так скажу, – негромко сказал Полубой.

После миссии на Хлайбе он открыл в себе странные способности, и обостренный слух был одной из них. Поначалу это сильно мешало, но постепенно Полубой приспособился фильтровать ненужные звуки, слыша лишь то, что представляло для него интерес.

Небогатов, Бергер и Полубой познакомились при поступлении в Высшее военно-морское училище имени цесаревича Трифона, по-простому именуемое «Тришка». Они попали в одну группу, как тогда им казалось, случайно. Старший преподаватель капитан-лейтенант Воронцов приказал Касьяну Полубою подтянуть курсантов Бергера и Небогатова по физической подготовке, Бергеру – помочь Полубою и Небогатову в освоении высшей математики, физики и других точных наук, а Небогатову, в свою очередь, вытащить Бергера и Полубоя из глубокой ямы отсутствия навыков фехтования, верховой езды и политеса. В результате курсанты сдружились настолько, что первые три курса жили в одном кубрике, да и после, когда выбранные специальности разбросали их по разным факультетам, не изменили дружбе, продолжив ее и после окончания училища. Как впоследствии оказалось, политика единения будущих офицеров, выходцев из разных сословий, была принята повсеместно во всех учебных заведениях империи. Из дворян ты, интеллигенции, фермеры твои родители или работяги – значения не имело. В армии все решали умение и военные заслуги, но основы внеклассового армейского сообщества закладывались в кадетских корпусах и офицерских училищах.

Кирилл Небогатов, происходивший из старинной дворянской семьи, поначалу пытался верховодить друзьями, однако первобытная сила Полубоя и острый ум Бергера быстро заставили его признать за ними первенство хотя бы в этом. Что касалось организаторских способностей и знания военного дела, то здесь Небогатов был вне конкуренции. На тактических занятиях ему не было равных, и, как следствие, он стал одним из самых перспективных офицеров флота, первым из выпуска получив под свое командование боевой корабль – корвет «Ураган». Теперь он командовал эсминцем «Дерзкий», но по слухам, его уже прочили в командиры Третьей флотилии дальней разведки, в которую входили три эскадренных миноносца и пять фрегатов.

Константин Бергер служил в разведке флота, и служил неплохо: имел звание капитана второго ранга и руководил отделом специальных операций. Полубой, разжалованный в мичманы после досадного инцидента на Белом Лебеде, отстал от друзей в звании, но, получив после Хлайба индульгенцию и поощрение от Верховного в личное дело, надеялся вскоре догнать Небогатова и Бергера. Впрочем, к званиям и почестям он не стремился никогда, так же как и Бергер, который так и говорил: «Государева служба уже есть честь для любого русского офицера». Другое дело Кирилл Небогатов. О его амбициях во флоте ходили легенды, и если бы не послужной список капитана первого ранга, его посчитали бы болтуном. Не было за последние пятнадцать лет ни одного инцидента с участием вооруженных сил империи, куда бы Кирилл Владимирович не попросился добровольцем, и что любопытно, ему почти никогда не отказывали в подобных просьбах. Небогатов был награжден золотым оружием, имел несколько орденов, среди которых был и редкий орден Святослава второй степени. Бергер также имел несколько наград, но надевал их редко, поскольку и мундир носил нечасто. У Полубоя имелись два Георгия, «Честь и слава» и именной игловик от командующего корпусом морской пехоты. Сегодня он был в повседневной форме, а потому орденов не надел, ограничившись колодками.

На столе, как по мановению волшебной палочки, возникли устрицы и белое вино.

– Ну что ж, господа, приступим, – призвал Небогатов, разливая сабли. – Первый тост предлагаю за нашего морпеха: чтобы одна звезда на его погонах сменилась на две, а то и на три в ближайшее время.

– Служить Отечеству... – начал Бергер.

– Ты прав, почетно в любом звании, – кивнул Небогатов, – но мне просто хочется, чтобы справедливость восторжествовала. За тебя, Касьян!

Над столом поплыл звон тонких бокалов. Полубой залпом выпил вино, сдержал готовые сорваться с языка слова о французской кислятине и подхватил устрицу.

Бергер и Небогатов отпили по глотку. Пока они не торопясь занимались моллюсками, Полубой мгновенно высосал ракушки и с тоской оглядел стол.

– А что, правда эту слизь с Земли доставляют?

– Это ты хватил. – Небогатов ловко вскрыл очередную раковину и капнул на моллюска лимонным соком. – Устриц разводят здесь, но завезены они с Земли, это верно.

– Нашли чего за пятнадцать световых лет тащить, – мрачно сказал Полубой.

Он, конечно, бывал в ресторанах, в том числе и со своими друзьями, однако предпочитал пищу скорее простую, чем изысканную. Предложение Кирилла пообедать втроем, а заодно и обсудить задание он воспринял без энтузиазма – была бы его воля, можно было бы все обсудить и у кого-нибудь дома. К примеру, у него. Купили бы пива, заказали закуски в таверне «У Семеныча», где он был завсегдатаем. Однако двумя голосами против одного было решено обедать в «Яре», и Полубою пришлось смириться.

Отправив последнюю устрицу в рот и сопроводив ее глотком вина, Небогатов вытер губы салфеткой.

– Как у тебя с Лив? – спросил он Полубоя.

– Никак.

– Не помирились?

– Мы не ссорились. Просто жить так, как предложил я, она не хочет. Вернее, не может, – угрюмо сказал Полубой. – А заводить семью, когда у мужа одни интересы, а у жены другие, я считаю неправильным.

– А ты предложил ей сидеть дома и растить детей?

– Да, я хочу возвращаться в свой дом, где меня встретят жена и дети, что в этом плохого? – насыпился Полубой.

– В этом ничего плохого нет, – согласился Небогатов, – но, видимо, Лив считает, что ей рано приковывать себя к семейному очагу.

– Так бывает, – согласился с ним Бергер, – и она, и ты сильные личности. Таким трудно ужиться, если нет общего интереса. Может, все еще наладится. Кирилл, а что Верочка?

Жена Небогатова, Вера Алексеевна, урожденная Урусова, находилась на последнем месяце беременности.

– Спасибо, неплохо, насколько это возможно в ее положении.

– Кого ожидаете?

– Мы не стали программировать пол ребенка и даже не хотим знать, кто родится. Пускай это будет сюрприз. – Небогатов чуть смущенно улыбнулся. – Вы не поверите, но мне хочется, чтобы это была дочка. Верочка только о ней мечтает, и пусть так и случится.

Салат ели в молчании, а перед первым блюдом Полубой разлил водку. Игравший хрустальными гранями графин казался в его огромной ладони лабораторной мензуркой.

– За девицу Небогатову! – провозгласил он, поднимаясь с места.

– Касьян, мы привлекаем внимание, – негромко сказал Бергер.

– Ничего не могу поделать, – ухмыльнулся Полубой. – Если ты не забыл – русские офицеры за дам пьют стоя! Хотя если шпионы не считают себя офицерами...

– Чтоб вам! – пробормотал Бергер, вставая.

Уха и солянка прошли под молчаливое одобрение, выраженное взглядами в сторону метрдотеля. «Рысак по-русски» в сметане также оказался выше всяких похвал. Федор Модестович, похаживающий невдалеке от стола в течение обеда, получил перед десертом еще одну порцию благодарностей и оставил клиентов, почувствовав, что им предстоит деловой разговор.

Небогатов раскурил сигару, Бергер достал пачку папирос «Пластуновские», Полубой вылил коньяк в кофе и помешал ложечкой.

– Итак, господа... – Небогатов пыхнул сигарой, заволакиваясь синим дымом. – Что мы имеем?

– Мы имеем великовозрастного балбеса, задержавшегося в подростковом возрасте, – сказал Полубой.

– Касьян, речь идет о племяннике императора. – Бергер продул папиросу, аккуратно примял мундштук и раскурил ее. – Выбирай выражения.

– Я называю вещи своими именами.

– Согласен, однако некоторые вещи не следует называть именами собственными, как бы этого ни хотелось.

– Не будем отвлекаться, господа, – сказал Небогатов. – Костя, что ты можешь добавить к тому, что мы слышали от адмирала?

Бергер задумчиво затянулся несколько раз, приподнял салфетку, кинул быстрый взгляд на детектор и немного наклонился вперед.

– Господа, есть мнение, что в э-э... неадекватном поступке его светлости замешана дама. Мне не хотелось бы называть имен...

– Да весь флот знает, что его светлость Кайсаров-младший слетел с катушек, когда Катя Дашкова дала ему от ворот поворот.

Бергер сделал постное лицо, Небогатов прыснул, поперхнулся дымом и закашлялся.

– Ох, Касьян... Нет, ты кого хочешь уморишь.

– Спорное по формулировке, однако верное утверждение, – поморщившись, признал Бергер. – Для всех его светлость граф Николай Кайсаров находится по сей день в длительной командировке. В длительной и опасной. Мне поручено передать вам, господа, так сказать, конфиденциально, что окончательное решение, отозвать ли его из командировки или с прискорбием констатировать героическую гибель Николая Кайсарова на вверенном ему посту, предоставляется на ваше усмотрение.

У Небогатова вытянулось лицо, он отложил сигару и повел плечами, будто ему внезапно стало холодно. Полубой облокотился о стол, положил подбородок на сплетенные пальцы и заглянул Бергеру в лицо.

– Очень интересно, – протянул он. – Ну-ка, растолкуй поподробней.

– Да, – кивнул Небогатов, – это требует пояснений.

– Что тут пояснять? – Бергер раздраженно ткнул папиросу в пепельницу и тут же прикурил новую. – Ваше дело нейтрализовать Кайсарова до начала боевых действий флота против Александра Великого и не допустить разглашения инкогнито, под которым граф действует. Сведения о том, кем на самом деле является гетайр Птолемей, никоим образом не должны просочиться в средства массовой информации. Замешана императорская фамилия, господа.

– Сведения уже просочились, – сказал Небогатов.

– Пока только на уровне слухов, – уточнил Бергер.

– Что значит «нейтрализовать»? – спросил Полубой.

– Есть вещи, которые не позволят сделать честь офицера, – добавил Небогатов, кривя губы.

– Есть еще честь императорского дома, – напомнил ему Бергер.

– Жизнь – цезарю, честь – никому, – процитировал Небогатов. – До сих пор я жил, следуя этому девизу, надеюсь жить с ним и впредь.

– Вот потому тебе и предложили обеспечивать силовое прикрытие, а основную фазу проведет Касьян.

– Угу... Касьяну терять нечего, – хмыкнул Полубой. – Ну снимут с Касьяна погони в очередной раз, только и всего. Видно, на роду мне написано помереть мичманом. А все-таки что значит «нейтрализовать»?

– Изъять. Или... – Бергер решительным жестом загасил папиросу. – Но это только в крайнем случае. Пока он еще пуще не начудил во славу своей дамы. Короче, либо ты доставляешь сюда, на Династический совет, этого фраера, – Бергер был большой любитель городского шансона двадцатого века и частенько вставлял в речь непонятные слова, – либо он исчезает в необозримом космосе. Как понимаешь, такое э-э... пожелание сделано не от моего начальства, а с самого верха. Причем инициатива исходит от брата императора.

– Ну, Великий князь Михаил Дмитриевич за императора не только сам ляжет, но и всю семью положит. Старая школа, – невесело усмехнулся Небогатов. – Однако я тебе не завидую, Касьян.

– Плевать. – Полубой огляделся. – А что, если нам еще водки заказать?

– Это без меня, – сказал Бергер. – Дела. Извините, ребята.

– Ага, огорошил, как поленом по темечку, и в кусты. Константин, твоя работа оказывает на тебя губительное воздействие. Перебирайся к нам, в морскую пехоту, – предложил Полубой.

– Когда научусь пить, как ты, – усмехнулся Бергер, – а следовательно – никогда.

Оставшись вдвоем, Кирилл и Касьян заказали бутылку коньяку. Разговор не клеился – Небогатову было неудобно за то, что самая грязная работа досталась Полубойю, а он при любом раскладе останется в стороне. А Полубой, понимая, что другу не по себе, искал, каким способом разрядить гнетущую атмосферу.

– Слышь, Кирюха, – сказал он наконец, – а может, надраться, как в старые времена?

– Рад бы, да не могу. Верочке обещал, что сегодня пораньше вернусь.

– Ну давай хоть коньяк пить. – Полубой разлил Camus. – А мне жалко Кайсарова. Лихой парень, что бы ни говорили.

– Да, я помню его в деле над Серениусом. Если бы не его перехватчики – гореть «Славе Синопа» как свечке.

Полубой приподнял рюмку, они чокнулись, выпили, взялись за порезанный дольками лимон.

– Неужели и впрямь из-за женщины? – сокрушенно покачал головой Полубой.

– Как тебе сказать... – Небогатов взял сигару из пепельницы, осмотрел ее, будто подозревая, что сигару подменили, пока он отвлекся на коньяк. – Я полагаю, что отказ Екатерины Гордеевны был лишь последней каплей. Основная же причина в другом. В среде молодого офицерства весьма сильны либеральные настроения. Открыто это мало кто признает, но Кайсаров-младший мог себе позволить во всеуслышание критиковать наш государственный строй. И ведь демократ-то его светлость какой-то половинчатый – он не за республику, а за парламентскую монархию, хотя в идеале видит государственный строй подобным демократии Древней Греции. А тут подвернулся этот Александр Великий...

– Но позволь! Если Николай Кайсаров один из приближенных этого Александра, то он примкнул к нему не более года назад. Не мог же он занять такое место, едва только прибившись к этим пиратам!

– Как знать. Принимая во внимание его происхождение и военные заслуги, вполне мог. Ну, естественно, мозги ему промыли. Основательно, но осторожно, чтобы не спугнуть. При современных методах психического воздействия это раз плюнуть.

– А какого черта Александру и всем остальным вообще надо? Ну не верю я в современных Робин Гудов! – Полубой выплюнул лимонную корку на стол и вновь разлил коньяк.

– И я не верю, – кивнул Небогатов, мельком взглянув на часы. – Тут дело вот в чем... Если позволишь провести краткий курс философско-экономического ликбеза, то, думаю, тебе многое станет понятно.

– Давай! – Полубой, никогда не интересовавшийся ни экономикой, ни философией, отставил рюмку. Кирилл Небогатов славился умением разложить любую проблему на составляющие и донести ее решение до слушателя доходчиво и четко.

По словам кавторанга выходило, что, нравится это кому-то или не нравится, справедливость и целесообразность в области общественно-экономических отношений суть понятия-антагонизмы. Самое справедливое всегда наиболее нецелесообразно, а самое целесообразное – несправедливо. Поэтому любое устойчивое сообщество людей вынуждено учиться лавировать между этими понятиями, попеременно склоняясь то ближе к одному, умножая справедливость и делая жизнь многих несколько легче, но умеряя пыл и внося разочарование в жизнь тех немногих, что двигают общество вперед к большему богатству, влиянию и процветанию, то ближе к другому, заставляя многих терпеть большую долю несправедливости, но давая обществу возможность продвинуться дальше, а его самым деятельным членам накопить жирок, часть которого можно будет потом изъять и распределить, вновь уменьшив долю несправедливости и поправ целесообразность... И так всегда, ибо жить вообще без справедливости ни один человек не может, а при отсутствии хотя бы зачатков целесообразности жизнь быстро превращается в сущий ад. Вот так и получается, что все самые ужасные страдания на долю людей выпадают именно тогда, когда они отвергают целесообразность, объединяясь под знаменами справедливости. Именно так и происходит во времена всех и всяческих революций... Александр Великий, как себя называл главарь пиратов, сыграл именно на стремлении людей к справедливости. Что будет потом, если он ее добьется, вряд ли знает и он сам, поскольку очень похоже, что им в свою очередь управляет кто-то весьма умелый.

Полубой задумчиво потер подбородок. Читая сводки о нападениях гетайров Александра и о его заявлениях, сделанных устами его подручных, он никак не мог понять, что казалось ему знакомым. Теперь, похоже, все потихоньку вставало на свои места. Управление людьми, слепо подчиняющимися приказам, Полубою уже встречалось. Он и сам, было дело, поддался мгновенному гипнозу. Не хотелось верить, что здесь та же природа управления сознанием, но пока все сходилось. Жаль, что Бергер ушел – можно было бы попытаться узнать у него, дали ход докладу Полубоя, сделанному после миссии на Хлайб. Если да, то выбор Полубоя как главного действующего лица в возвращении Птолемея-Кайсарова не случаен. Ох, Константин Карлович! Не зря пораньше слинял, мерзавец... Наверное, почувствовал, что у Полубоя могут возникнуть вопросы, на которые придется давать ответ, а начальства, чтобы посоветоваться, рядом не наблюдается.

Разговор вернулся к графу Кайсарову. После доставки обратно его судьбу по традиции должен был решить Династический совет, но Кирилл Небогатов, сам происходящий из аристократической семьи, особых проблем не видел. Никаких преступлений против самой империи либо ее подданных племянник лично не совершал, равно как преступлений, подходящих под понятие международных, а что касается обвинений в пиратстве... Все-таки то, чем он занимался, не было обычным пиратством... а кому из молодых людей, воспитанных в благородной традиции, не кажется, что он либо вот-вот найдет, либо уже нашел способ сделать счастливым все человечество, забывая, что счастье – это нечто, что человек может создать только сам и только для себя. Ну в крайнем случае он может помочь стать счастливыми еще одному или несколькими людям, с которыми ощутит особую близость, но не более. А в жаркой молодости так хочется осчастливить *всех!*

– Если бы не уточнение Константина относительно судьбы Кайсарова, то дело было бы несложным, – продолжал Небогатов. – Отследить корабль Птолемея, атаковать и взять на абордаж – простейшая операция. Я уверен, что «Дерзкий» разнесет любую одиночную посудину Александра, а твои ребята не оставят его команде ни шанса. Главное – не нарваться на основные силы, но в группе гетайры действуют редко.

– Тебе может показаться, что я заразился от Бергера шпиономанией, – сказал Полубой, – но что, если они предусмотрели подобный ход? В негласном возвращении или нейтрализации некоторых гетайров по разным причинам заинтересованы и мы, и Содружество, и Лига Непри-

соединившихся Государств. Подобный ход легко просчитывается, и расставить силки на охотников не так уж и сложно.

– По-моему, ты усложняешь. У тебя есть какие-то соображения? Так выкладывай.

– Я просто готовлюсь к худшему. К самому худшему, что может случиться, и пусть меня считают хоть паникером, а хоть и психом. Вот послушай, Кирилл: снарядить даже один корабль для каперских действий требует немалых денег, а у Александра несколько своих эскадр, помимо нанятых пиратов-одиночек. Это, кстати, тоже влетает в копеечку. Далее: ты заметил, насколько здорово действует его разведывательная служба? С тех пор как большинство транспортных линий взяты под охрану, он нападает только на одиночные суда или караваны, следующие удаленными маршрутами. Его гетайры перехватывают караваны конкурентов – а уж они-то готовятся в полной секретности, иначе любой военный флот перехватил бы их моментально – следовательно, разведывательная сеть создавалась не один год и инфильтрация агентов достигла высших сфер как государств, так и мафиозных структур. Пресса слилась в таком мелодичном хоре славословия в адрес Александра, что создается впечатление, будто все это – тщательно разработанный план, а не дерзкая импровизация людей, одержимых благородными идеями, как все это представляется широким массам. Кто-то дирижирует всей компанией, Кирилл. – Полубой пристукнул кулаком по столу, и Небогатов поймал подпрыгнувшую рюмку. – Кто-то сидит и дергает за ниточки, и он уже просчитал ответные реакции на свои действия.

– А-а, вот ты о чем. – Небогатов усмехнулся, поставил рюмку и налил коньяку. – Касьян, тебе не кажется, что, обжегшись на молоке, ты дуешь на воду? Брось ты свои заморочки. Было ведь официальное расследование, установили, что у вас с Лив были галлюцинации, вызванные субстанцией под аппетитным названием Гной, вот и все. К тому же со стороны американцев, которым явно должен был доложить нечто подобное агент их Федерального бюро, не поступило никаких сигналов и нет никаких признаков того, что они серьезно восприняли подобную информацию. Это значит, либо твой приятель Сандерс не имел подобных галлюцинаций, либо проведенное Федеральным бюро расследование пришло к таким же выводам, что и ведомство Бергера. Если бы в ареале расселения людей объявился кто-то, обладающий способностью поработать людей одним своим видом, его уже искали бы разведки всех государств. Давай допьем коньяк, и мне пора. – Небогатов приподнял рюмку. – Ты радуйся, что возвратился живой, что суд офицерской чести постановил вернуть тебе звание и награды, что император, *сам император* соизволил занести в твое дело поощрение. Скажу по секрету, я слышал, что документы на твое представление к следующему чину посланы в штаб. Осталось только выловить графа Николая Михайловича Птолемея, и будем пить здоровье кавторанга Полубоя! Ну, давай!

Полубой насупившись выцедил рюмку. Как объяснить другу, что его доклад о событиях на Хлайбе не был следствием галлюцинации. Если уж Кирилл не верит, то умники из разведки точно решили, что у него было временное помутнение рассудка. Может, он и впрямь перестраховывается, однако в таком деле, как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть. Интересно, Ричарду поверили в Федеральном бюро? В том, что тот доложил обо всем, что случилось под Развалинами, подробно и не опуская мельчайших деталей, Полубой был уверен. Все-таки Дик был профессионалом высокого класса, несмотря на любовь к бабам и основательные загулы. К тому же слабости Сандерса работе не мешали.

Небогатов расплатился, и они, сопровождаемые метрдотелем, проследовали к выходу.

На улице крутила метель, огни реклам делали снег разноцветным, похожим на конфетти. Кирилл предложил поймать такси и подбросить Полубоя до дома, но Касьян сказал, что прогуляется по морозцу, попросил передавать привет Верочке Небогатовой и скрылся в снежной пелене.

Небогатов откинулся на спинку сиденья в салоне глидера и закурил папиросу. «В лепешку расшибусь, а помогу Касьяну доставить Кайсарова целым и невредимым, – подумал он. – Только бы Полубой его не пришиб в горячке, а то ведь так не только погоны – голову снимут и на заслуги не посмотрят».

Глава 5

Комплекс зданий Министерства обороны поражал воображение. Больше всего он напоминал кусок Великой Китайской стены, по чьей-то странной прихоти привезенный с Земли и поставленный на окраине столицы там, где не было ни жилых районов, ни деловых контор. Столицу окружала парковая зона шириной пять километров, и комплекс стоял посреди леса, теперь заснеженного, несуразный, неприветливо-серый, подавляющий своими размерами.

Бергер поставил глيدر на стоянку, ввиду позднего времени почти пустую. Он имел право ставить машину на внутреннюю парковку, которая была расположена под крышей, но потом пришлось бы спускаться на пятьдесят с лишним этажей. Ему же хотелось побыстрее отчитаться перед начальством и вернуться домой, в свой холостяцкий дом, к привычному, почти математическому порядку, который он поддерживал с тех пор, как стал жить один. Кроме того, некормленный с утра Тихон непременно наделает лужу в коридоре, а если Бергер задержится, то и кучу навалит посреди ковра перед любимым креслом возле камина.

Темная громада министерства нависала, подобно гранитной скале, готовой сорваться и раздавить в лепешку неосторожно приблизившегося путника. Бергер прошел к крайнему подъезду, почти возле торцовой стены комплекса, глянул влево. Тридцатиэтажная стена с редкими светящимися окнами терялась в сумерках и метельной круговерти. Климат-барьер слил внешние данные и пропустил его беспрепятственно, но это был лишь первый этап проверки. Бергер потопал, стряхивая снег, вытер ладонью лицо от растаявшего снега. Пока он проделывал эти манипуляции, датчики сверяли параметры его ДНК, психофизические данные с теми, что были заложены в охранную систему.

– Константин Бергер, первый отдел Управления разведки и контрразведки флота.

Он сказал это обычным голосом, хотя в молодости, когда только поступил на службу, на пари с такими же охломонами, только что выпущенными из училища, сумел обмануть систему, изменив модулятором собственной конструкции тембр голоса. Это стоило ему пяти часов медицинских процедур – световые шокеры и акустические парализаторы вкуче с усыпляющим газом сработали вполне эффективно – и первого выговора от начальства. Предложение от научно-технического отдела перейти на работу к ним Бергер отверг.

Набирая личный номер и код доступа, он попытался представить, где сейчас находится кабинет Леонидова – система безопасности «поплавок» постоянно перемещала помещения, закрепленные за сотрудниками и отделами по всему объему сектора, выделенного разведке. Угадать расклад трехмерной «пятнашки» было невозможно, и одно это бросало вызов Константину Бергеру, не без оснований считавшему себя неплохим математиком и аналитиком. Исходя из того, как двигался кабинет начальства в течение предыдущего дня, он составил в уме простенький алгоритм. Видимо, слишком простенький. Система безопасности выиграла и в этот раз – Анатолий Остапович Леонидов сегодня любовался зимним пейзажем, открывающимся из окон в торцовой стене здания министерства.

Секретарь Леонидова капитан-лейтенант Смидович подмигнул Бергеру:

– Как, угадал?

– Я не гадаю, а провожу анализ, основанный на...

– Значит, не угадал, – констатировал секретарь.

За его спиной в стеклянные стены, прозрачные только изнутри, бил летящий снег, высокие ели и голые дубы раскачивались под порывами ветра, и казалось, еще немного – и метель ворвется сюда, погребая присутствующих под сыпучими сугробами.

– Что «царь»? – спросил Бергер.

Леонидова за глаза звали «царем» по аналогии с легендарным правителем Спарты.

– Ждет доклада – велел проводить немедленно.

– Так веди!

– Прошу. – Смидович указал на окно.

Бергер, мысленно пожившись, шагнул в метель и оказался в кабинете Леонидова. Он считал подобные изыски конспирации лишними в здании Министерства обороны, однако начальству виднее.

Полковник Леонидов взглянул на Бергера через экран, с которого читал последние новости, опубликованные в «Питерском ветеране», и радушным жестом предложил присаживаться. Он был невысок ростом, плотен, с короткими светлыми волосами. В углах глаз отпечатались «гусиные лапки» морщин, как у завзятых весельчаков. Леонидов не был весельчаком, но чувство юмора имел. Правда, весьма своеобразное.

Кабинет отражал мнение хозяина по поводу полагающейся на рабочем месте обстановки – ничего лишнего. «Царь» любил простоту что в общении, что в быту, во всяком случае декларировал это. Простота, однако, не подразумевала панибратства, хотя взаимоотношения в разведке строились не совсем как в общевойсковой среде – здесь предпочитали обходиться без чинов и званий. Повелось так потому, что большинство чинов УРК в свое время работали полевыми агентами, а это предполагало отказ от привычных армейских и флотских стереотипов поведения.

– Слушаю вас, Константин Карлович, – сказал Леонидов своей обычной скороговоркой. Голограмма «Ветерана» свернулась в точку и убралась в полированную столешницу. – Как прошла встреча старых друзей?

– Как и предполагалось – почти без накладок.

– Почти?

– Как мы и предполагали, наибольшее неприятие вызвала перспектива ликвидации э-э... причины, вызвавшей озабоченность императорского дома.

– И естественно, со стороны Кирилла Владимировича, – кивнул Леонидов.

– Вы правы, Анатолий Остапович. Полубой воспринял эту возможность с неудовольствием, но, кажется, с пониманием. Однако он сразу разобрался, что отвечать придется ему, и мне, как его другу, было довольно неловко...

– Тут у меня есть кое-какие соображения, Константин Карлович. Хочу с вами вот о чем посоветоваться: вам не кажется, что господин Полубой больше не подходит для работы в том ведомстве, в котором служит? Вырос, так сказать, как из коротких штанишек. Думаю, в морской пехоте и без Касьяна Матвеевича найдется кому разбивать головой кирпичи и штурмовать оплоты супостата. Так?

– М-м... – задумался Бергер. – Признаться, я не думал об использовании Полубоя в разведке. Хотя... в этом что-то есть. Конечно, он сильно прибавил в плане интеллекта, но вот так сразу...

– А зачем же сразу? И потом, в нашей работе есть много возможностей проявить себя и принести пользу государству. – Леонидов поднялся из-за стола и прошелся по кабинету. – Наши специалисты поработали с материалом, который предоставил Полубой после возвращения с Хлайба. Я бы хотел, чтобы вы ознакомились с выводами. Они касаются как ближайшего будущего, так и весьма отдаленных перспектив. Должен сказать, что перспективы эти отнюдь не радужные. Боюсь, что очень скоро людям придется столкнуться с неприкрытой агрессией извне. Конечно, выводы будут корректироваться с поступлением новой информации, однако прогнозы самые неутешительные.

Менять тему разговора вот так резко тоже было любимым занятием Леонидова. Он полагал, и возможно, не без оснований, что так заставит собеседника держаться в тоне. Бергер к этому уже привык, но поначалу следовать за извилистой мыслью «царя» было сложно.

– Когда я смогу... – начал Бергер.

– Прямо сейчас. Хочу предупредить, что информация, которую вы получите, доступна лишь нескольким людям в империи, включая государя. Всем, кроме его величества, введена блок-схема пятого уровня.

Бергер замер. Введение в подсознание блок-схемы пятого уровня означало, что при попытке ментоскопирования мозг сожжет всю информацию, превратив своего владельца в идиота, способного вести исключительно растительный образ жизни.

– Вы вольны отказаться, Константин Карлович.

«И сдувать пыль в архивах до отставки», – подумал Бергер.

– Я согласен.

– Я не сомневался в вас, – кивнул Леонидов. – В утешение добавлю, что компания возможных идиотов подобралась неплохая: кроме его величества и вашего покорного слуги, еще трое весьма достойных господ из родственных нам ведомств.

Все прошло довольно буднично. Они вышли из кабинета в лабораторию, где Леонидов сам подключил Бергера к аппаратуре.

Когда Бергер очнулся, они вернулись в кабинет, где на столе их ждал кофейник с крепчайшим кофе, что пришлось весьма кстати. Леонидов не торопил подчиненного – помнил, что, когда информация была загружена в его мозг, он несколько часов находился под впечатлением открывшейся ему апокалиптической картины.

– Насколько можно доверять этому прогнозу? – спросил Бергер после третьей чашки кофе.

– Я бы сказал, процентов на шестьдесят, – ответил Леонидов. – Нам придется на деле проверить старинную поговорку: *si vis pacem, para bellum*². В чем, собственно, и состоит наша работа.

– Да, – согласился Бергер, – к войне лучше быть готовым. Особенно к такой, как напророчили наши мудрецы. Пожалуй, я теперь понимаю, почему вы хотите привлечь Полубоя. Буферная зона будет просто необходима. Вы уже продумали, какими ресурсами она будет обладать?

– В общих чертах. – Леонидов сделал неопределенный жест, рисуя в воздухе нечто расплывчатое. – Полагаю, это будет что-то вроде пиратской республики. Нет, это слишком резкое определение. Запорожская Сечь? Ну не будем навешивать ярлыки, пусть этим займутся журналисты, когда придет время. И думаю, нам есть с чего начать. Кажется, где-то на границе меридиана действуют две-три эскадры этих... – «царь» прищелкнул пальцами, – лихих людей.

– Ушкуйники? Ну это несколько разорившихся купцов, примкнувшие к ним дезертиры, невезучие фермеры и тому подобные отбр... неудачники.

– Но действуют они вполне эффективно. Поработайте с этим материалом. Кстати, я упустил из виду Хлайб. Что там происходит?

– Ничего существенного. Доктор сообщает, что после смерти ван Хорна произошел передел сфер влияния. Его положения это не коснулось. Активности в Развалинах не наблюдается, оставленные в Гное датчики не фиксируют ничего. Ренегат, после того как его обвинили в убийстве своего босса, предпочел исчезнуть. Скорее всего, его уже нет на планете.

– А это действительно была его работа?

– Не уверен, – ответил Бергер после недолгого молчания, – слишком уж явные были против него улики. Я считаю, что кто-то подставил его. Очень грамотно подставил.

– Конкуренты ван Хорна?

– Вряд ли. Они в то время грызлись за наследство Сигевару. Детали может прояснить сам Ренегат, но, конечно, если снова выплывет на поверхность.

– Он слишком деятельная натура, чтобы прозябать в безвестности. Однако, – Леонидов взболтнул кофейник, – хотите еще кофе? Я распоряжусь.

---

² Хочешь мира – готовься к войне (*лат.*).

– Нет, благодарю вас. – Бергер поднялся. – Я, если позволите, поеду домой.

– Куда вам торопиться, Константин Карлович? – Леонидов улыбнулся, и в уголках глаз обозначились морщинки. – Вы – холостяк... Ах да, кот некормленный.

– Вы правы. – Бергер сдержал улыбку – начальник, как всегда, был осведомлен о личной жизни подчиненных и не преминул это показать. – Кроме того, может, на лыжах пробежусь. Проветрюсь. Погодка в самый раз.

– Завидую вам, – Леонидов проводил его к окну, – а у меня от сидячей работы брюхо растет. – Он похлопал ладонями по обрисовывающемуся под костюмом округлому брюшку. – Ну понятно, бумаги перебирать – не уголек грузить. Завтра попрошу ко мне во второй половине дня, скажем, часа в четыре. Жду ваших предложений по организации буферной зоны: численность, состав населения, вооружение, ну и все прочее. – Леонидов протянул руку. – Не заблудитесь там на лыжах – ишь как метет.

«Все-таки подколот „царь“, – подумал, усмехнувшись, Бергер, вводя в курсограф маршрут домой, – не может, чтобы не подпустить шпильку напоследок. Какие лыжи, если всю ночь и целый день придется заниматься новоявленной Сечью? Нет, Сечь тоже не пойдет. Лихие люди... ушкуйники... Вольная республика Ушкуй! А почему бы и нет?»

Глава 6

– Еремеев, – вполголоса сказал Небогатов, обернувшись к двери каюты.

– Я, Кирилл Владимирович! – В дверях показался матрос лет двадцати с круглым лицом, курносый носом и усыпанными веснушками щеками.

– Организуй чайку нам с капитаном третьего ранга. И закусить слегка, – добавил он многозначительно. Матрос скрылся за дверью, а Небогатов подмигнул Полубой: – По рюмке коньяку не помешает. За удачное начало похода.

– Можно, – прогудел Касьян, снимая португепю и расстегивая куртку.

– Как твои устроились? – Кирилл взял со стола бумаги, бросил в сейф и щелкнул кодовым замком.

– Нормально. У тебя здесь почти хоромы. Вот, помню, на тральщике добивались как-то, это – да. Спали кто где, даже в коридорах.

– Ну, кто не терпел в жизни неудобств, тот не способен оценить комфорт, – философски заметил Небогатов. – А живоглоты где?

– В каюте у меня. Без приказа не выйдут, – успокоил его Полубой.

– Будем надеяться.

В дверь деликатно постучали.

– Входи, – пригласил капитан первого ранга.

Вошел Еремеев с подносом, на котором позвякивали в серебряных подстаканниках тонкие стаканы, стояли бутылка коньяку, рюмки, блюдечко с лимоном и вазочка с сушками.

Матрос ловко переставил все на стол, придирчиво оглядел сервировку и вытянулся, ожидая дальнейших приказаний.

– Спасибо, отдыхай до шестой склянки. – Небогатов скрутил крышку с бутылки, вынул пробку. По каюте разнесся божественный аромат. – Первую – по рюмкам, вторую – по-марсофлотски?

– Ну а как же!

Выпили под лимон, Небогатов снял китель, бросил на койку. Полубой отхлебнул чай, выбрал сушку, сжал ее в кулаке, раскрыл ладонь и огорченно крикнул – в руке остались мелкие крошки.

– А ты еще здоровей стал, Касьян, – усмехнулся Небогатов. – Или передо мной красуешься?

– Да чего красоваться? – Полубой ссыпал крошки в вазочку. – Сам не понимаю, однако после Хлайба стал замечать, что-то со мной творится. Слышать стал, как кошка, зрение, – он махнул рукой, – не поверишь, только что через стены не вижу. Ну и силенки добавилось.

– Куда тебе еще силенки? Поделится бы. Слушай, а Лив? С ней тоже такая чертовщина?

– И с ней тоже. Мы как-то поспорили в кабаке, ну, насчет того, как дальше жить, она кулаком ка-ак даст по столу – и столешницу проломила. Сама испугалась.

– А зверюги твои?

– Ну, у них не спросишь, хотя на первый взгляд все в порядке.

Небогатов отхлебнул чаю, долил стакан коньяком. Полубой проделал ту же операцию. Едва заметно мигнул свет, пол дрогнул, по налитому вровень с краями стаканов чаю пробежала рябь.

– Выходим на крейсерскую скорость, – пояснил Небогатов. – Кстати, ты мне так и не рассказал, где ты их подобрал.

– Кого? Риталусов? О-о, это отдельная история. – Полубой хрустнул сушкой, запил чаем. – Был я тогда молодой, упертый, как баран, и все мне было по плечу. Словом, дурак дураком был. На первом году службы, помню, вернулся с очередной операции, прошло все

отлично, получил благодарность от командира корпуса и две недели отпуска. И поехал я к отцу с матерью на наш Луковый Камушек, чтобы полюбовались на сына-героя. Ага. Приехал, а отец кивнул этак хмуро и пошел в коровник – все простить не мог, что я с фермы ушел. Мать, конечно, слезу пустила, усадила за стол, да ей-то всего не расскажешь – спать неделю не будет. Ну и решил я друзей провести, раз уж дома не ко двору пришелся...

Отпили чаю, Небогатов снова долил коньяк в стаканы и приготовился слушать.

Полубоя дважды просить не приходилось – о своей планете он мог рассказывать долго и с удовольствием.

Друг детства, Кондрат Пилипенко, с которым они пацанами, бывало, наперегонки пахали поля – отцы имели соседние наделы, – перебрался жить в предгорья, к Зеленому хребту. На богатых землях средней полосы он завел приличное хозяйство, пока Касьян долбил науку в училище и набирался военной мудрости, выстроил дом, хозяйственные пристройки и даже успел жениться. Встретил он старого друга с расprostертыми объятиями. Его жена ждала первенца и рано легла спать, а они засиделись, рассказывая друг другу про житье-бытье, и уже под утро, в изрядном подпитии, Кондрат поведал Полубою о местной диковинке – необычных животных, обитавших на скалистом плато за Зеленым хребтом.

Фермы вдоль хребта стояли нечасто, однако взаимопомощь у фермеров была налажена четко: на волков облаву устроить или запчасти для техники занять – откликались по первому зову. Кондрата, как только он перебрался на новое место, сразу предупредили, чтобы за хребет на Змеиное плато лучше не совался, потому что живут там диковинные звери и никого рядом не то что не потерпят, но и через свою территорию пройти не дадут. Местные прозвали зверей дикушами, поскольку не только отловить – увидеть их удавалось считаным единицам. Плато было единственным местом в горах, где не было никаких хищников: ни волков, ни лисиц, ни медведей. Снежные барсы, и то обходили Змеиное плато стороной, хотя название не слишком соответствовало самому месту – змей диковинные звери вывели начисто, при том что летом гадюки, полозы, гюрзы и всякие другие твари кишмя кишели в близлежащих горах. Зато зайцам, косякам, горным баранам на плато было раздолье.

Неведомые животные сторонились людей, никогда первыми не нападали, но уж если кто-то по недосмотру или с какими другими целями вторгнулся на их территорию, спуска не давали.

Старожилы еще помнили, как около семидесяти лет назад два шалопаи из пришлых, не сработавшись с фермерами, поскольку больше думали о самогоне, чем о работе, пошли добывать зверей на плато, чтобы поправить финансовые дела. Мол, раз зверь диковинный, так шкурки можно загнать в столице весьма прибыльно. Мужички были пришлые и, хотя местные предостерегали их от этого занятия, ушли, экипированные двумя охотничьими лучевиками, медвежьими капканами и отравой на волков. Через неделю фермер, у которого они снимали избушку для гостей, забеспокоился, а через полторы пятеро фермеров снарядились, как на войну, и пошли за хребет. Горе-охотников нашли сразу за перевалом. Мужики лежали возле палатки с разорванными глотками, и тела их уже начали разлагаться. Над лицами потрудились птицы, и определить, кто из них есть кто, не представлялось возможным. Отравы и капканов в палатке не обнаружилось – видно, успели поставить. Оба лучевика были приведены в негодность, причем таким способом, что у фермеров глаза на лоб полезли: оружие было перекушено пополам там, где начинался короткий ствол. На пластиковых ложах остались следы зубов, а металл был смят в лепешку и словно разорван. Батареи в лучевиках были наполовину разряжены, и по отметинам на каменистой почве было видно, куда пришлись заряды охотничьих «ежей». Два десятка опаленных выбоин начинались за семьдесят метров до лагеря и заканчивались перед самой палаткой. Чтобы два ушлых мужика, явно не в первый раз увидевших оружие, из двадцати выстрелов промазали по мишени на таком расстоянии – в это было трудно поверить. Обследовали следы и сошлись на том, что охотников порешил один-единственный зверь. Возле следа от последнего выстрела, у самой палатки, нашли продолговатую чешуйку,

похожую на рыбу, только толстую и прочную, будто она была выкована из легированной стали. Чешуйка блестела с одной стороны, как зеркало, и была матово-синяя, под цвет прокаленного железа, с другой. Кто-то из фермеров, видевший дикушу издали, в мощный бинокль, да и то мельком, сказал, что, по его разумению, чешуя эта сбита с тела зверя, но почему в таком случае дикуша перегрызла глотки охотникам, а не окочурилась на месте, непонятно. Выстрел из охотничьего лучевика «Еж-Т17» опрокидывал идущего в атаку подраненного кабана на двадцать пудов весом, а дикуши были размером едва с лайку, а то и меньше.

Пока четверо фермеров долбили землю под могилу, один отошел чуть в сторону и наткнулся на изломанный медвежий капкан – будто кто-то жевал его, плюща и разрывая прочнейшую сталь. В сумерках, когда мужиков похоронили и водрузили над могилой крест – люди, все ж таки, хоть и непутевые, – самый зоркий и молодой из фермеров заметил в полусотне метров дикушу. Зверек стоял, чуть опустив острую морду, и смотрел на людей, словно соображал, напасть на них или дать закончить работу. Парень вскинул к плечу лучевик, и дикуша будто сквозь землю провалился: только что стоял как вкопанный и вдруг обнаружился на десяток метров ближе. Всем сразу стало понятно, почему в зверя попали только один раз. Лучевик у парня выбили и, накостыляв по шее, поспешили уйти с плато.

К несчастью, чешуйку с тела дикуши кто-то догадался отправить в Каменный Донец – столицу планеты. Не прошло и месяца, как прибыла небольшая экспедиция. Оказалось, что дикуши нигде на планете больше не обнаружены, и отделение ксенозоологии местного института решило исследовать редкий вид. Исследовать не удалось, поскольку в первую же ночь, которую экспедиция решила провести в лагере на Змеином плато, на них напали, испортили оборудование, растерзали трех волкодавов и изорвали палатки. Ученые мужи бежали с плато кто в чем: двое без сапог, а один только в подштанниках, и с тех пор дикуш оставили в покое. Этому способствовало и то, что фермеры и сами отваживали любителей экзотики, поначалу прибывавших к Зеленому хребту поглядеть на местную диковинку. В конце концов плато объявили заповедником. Экспедиция университета Киото, состоявшая из пяти бойких ниппонцев, неведомо как получившая разрешение на отлов одного экземпляра дикуши, потеряла четырех человек, несмотря на то что в снаряжении у них были абордажные бронники, рассчитанные на попадание из стандартного плазмобоя с расстояния десять метров. Молоденький ниппонец со сломанными ребрами и выбитой рукой притащился на ферму к Кондрату, толком объяснить ничего не смог, но Кондрат понял, что демоны в одночасье лишили жизни подданных ниппонского императора, хотя одного из демонов удалось уничтожить. В мешке ниппонец приволок обгорелую тушку дикуши. Как впоследствии рассказал Кондрату начальник местного полицейского участка, ниппонцы умудрились в рюкзаках, в разобранном состоянии, протащить через таможенную плазмобой, из которого и подстрелили дикушу. Этот инцидент был последним, когда губернатор планеты разрешил кому бы то ни было проводить исследования на Змеином плато.

– И я загорелся. – Полубой хмыкнул и разлил остатки коньяка по стаканам, в которых чаю уже почти не осталось. – А что ты хочешь – во мне уже литра полтора очищенной сидело, да и Кондрат лыка не вязал. Он пьяный-пьяный, а пытался меня отговорить. Я – ни в какую. Добуду, говорю, дикушу живьем, или пусть они меня в лоскуты рвут! Ну ты знаешь, я животных всегда любил.

– Я бы и спяну к таким тварям не полез, – сказал Небогатов. – Это ж надо – из лучевика не прошибешь!

– Да-а... – протянул Полубой, возвращаясь к воспоминаниям. – Взял я у Кондрата палатку, одеяло, пяток банок консервов и пошел на Зеленый хребет. Прямо ночью и пошел и оружия не взял – только нож свой десантный. Кондрат меня остановить хотел, так я его в погребе закрыл и ушел.

Еще до рассвета Полубой добрался до предгорий. Дальше стоял хвойный лес, переходящий в кустарник. Палатку он бросил по дороге из пьяной удали: или не морпех он и на голой

земле не переночует? Одеяло свернул в скатку, наподобие шинели, повесил через плечо и двинул вверх по склону, который по мере подъема становился все круче.

Хмель постепенно выветривался, и вскоре он понял, что свалил дурака, однако вернуться с пустыми руками не позволяла гордость. Как же, пальцы гнул перед другом, мол, морпех нигде не пропадет и кого хочешь добудет. На абордаж хаживали, а зверюгу тупую не взять? Да не бывать этому!

К полудню он вышел к плато. Если внизу, в долинах, стояла золотая осень, то здесь зима уже вступала в свои права: посвистывал пронизывающий ветер, летел мелкий колючий снег, мерзлая земля, и летом твердая, превратилась в камень. Полубой прошел вперед на полкилометра, развел костер и съел две банки тушенки, соображая, где искать логово зверя. Впрочем, если верить рассказам Кондрата, они сами должны были к нему выйти. Прошел час, другой, метель улеглась, выглянуло тусклое солнце, но вокруг, сколько Полубой ни напрягал зрение, не было ни следа животных. Ни косуль, ни горных баранов, ни тем более мифических дикуш. Касьян решил было пройти глубже на плато, как вдруг мимолетный блеск привлек его внимание. Вытащив нож и намотав на левую руку одеяло в качестве примитивного щита, он осторожно двинулся вперед.

От опьянения не осталось и следа, и Полубой хорошо понимал, на что идет – в случае нападения дикуши его не спасет ничто, однако опыт общения с животными на ферме и в кинологическом центре, принадлежавшем корпусу морской пехоты, давал ему небольшой шанс. Он уже не думал о том, как поймать зверька, он хотел просто поглядеть, что же это за чудо.

Солнечный луч снова отразился от чего-то блестящего, мазнул Касьяна по глазам, и внезапно он опустил нож. Впереди не было опасности. Он привык чувствовать настроение животного: раздражение, апатию, гнев или голод, но сейчас он ощущал нечто иное. Это было похоже на жалобу, на одиночество и страх перед неизведанным. Будто кто-то маленький заблудился в большом мире и ждет, когда кто-нибудь большой и сильный поможет ему выбраться на дорогу.

Полубой нахмурился и ускорил шаги. Снег быстро таял под солнечными лучами, и сначала Касьян не понял, в чем дело, – в яме, едва сантиметров пятьдесят глубиной, копошились комочки грязи, чуть слышно попискивая. Полубой присел на корточки, подхватил один комок, потом второй. Оба прекрасно уместились в сложенных ковшиком ладонях; мало того – писк прекратился, и Касьян почувствовал, что исходящий страх, который он ощущал, уступил место спокойствию и умиротворению. Он протер от налипшей земли зверьков. Дикуши были размером с крысу, с остренькими мордочками. Светлая, почти прозрачная чешуя была мягкой, глаз почти не было видно, так, щелочки какие-то. Зверьки тыкались черными носами в пальцы, щекотали ладонь коготками на коротких лапах, смешно помахивали хвостами. Полубой встал во весь рост и огляделся. Мать могла находиться рядом и не потерпела бы чужака рядом со своим потомством.

Касьян аккуратно положил зверьков на землю, вернулся к костру, взял одеяло, отнес к яме и, расстелив, устроил дикуш на нем, соорудив нечто похожее на логово. Повозившись, обустроиваясь, они прижались друг к другу и уснули.

Полубой провел на плато три дня, дожидаясь, когда к зверькам выйдет мать, но так никого и не увидел. Он пытался кормить дикуш консервами, сушил подмокшее одеяло, подкладывая под дикуш на это время свою куртку. Утром третьего дня Полубой в последний раз оглядел заснеженное плато. Консервы кончились еще вчера, мороз с каждым днем усиливался, и одеяло уже не согревало зверьков – они скулили все жалобнее и даже пытались ковылять за Касьяном на слабых лапах, когда он возвращался к костру.

Полубой взял дикуш в руки, устроил их за пазухой, забросил на плечо одеяло и двинулся в обратный путь.

Возле леса у подножия Зеленого хребта его встретил Кондрат, который пошел искать то, что осталось от друга.

– Говорит: помолился, с женой простился, взял лучевик и двинул косточки мои прибрать. Ох и ругался он! – Полубой усмехнулся и покрутил головой. – Ну и Таисия, жена его, дома еще мне добавила. А ночью проснулся я, а они, зверята эти, сидят возле кровати и смотрят на меня. Стало быть, глаза у них открылись.

– Так они что, слепые, что ли, были? – спросил Небогатов.

– Ну да. И всё, стали за мной ходить как на веревочке. Я ж хотел их у Кондрата оставить – лучших сторожей и не сыщешь, но он отказался, да и жена ни в какую. Того и гляди младенец народится, а тут зверюги, которые железо грызут, будто мозговую кость. Пришлось мне их с собой взять. Уж как с планеты вывез – лучше и не спрашивай. В сумку, в тряпки замотал и молился, чтобы не вякнули, а они будто почуяли, что нас разлучить могут, – сидели, как мыши в подполе, когда кот рядом. Ни звука.

Полубой допил то, что называлось марсофлотским чаем, разогнал перед лицом дым – Небогатов искурил полпачки «Гвардейских».

– Вот так и приобрел я этих зверушек, – сказал Касьян, поднимаясь и потягиваясь. – Однако пора и на боковую. Я ребятам сказал, что завтра тренинг устрою – хочу на аварийный выброс из подбитого модуля их погонять.

– Ты постой. А как же ты этих дикуш приручал, натаскивал?

– Да никак. Привел к кинологам, как чуть подросли, – они через полгода уже с кролика были. Ребята из собачника меня на смех подняли: куда, говорят, котят этих? Ну загрузили в кибер имитацию атаки, попер он на меня. Никто и глазом моргнуть не успел, как от того кибера только потроха электронные полетели. След они держат чуть ли не полугодовой давности, команды я им не подаю, просто думаю, что хорошо бы сделать вот так, а иной раз даже и подумать не успеваю, а они уже все делают. Ну, бывают накладки. Агламбу Керрора порвали прежде, чем я их остановить успел, – не до него мне было. А так смирные, даже ласковые, я бы сказал.

– Ты своих ласковых все-таки в каюте держи, – хмыкнул Небогатов. – Ладно, до района операции еще неделя пути. Ты во сколько завтра своих гонять начнешь?

– Думаю, с утра.

– Могу ход сбросить, могу остановиться. Ты не стесняйся, говори, что надо. Как-никак мы здесь все на тебя работаем.

– Ничего не надо, – сказал Полубой, надевая куртку и беря в руку портупею, – мы на ходу все отработаем. А чаёк у тебя славный, – сказал он, уже выходя в коридор.

– Вот Кайсарова возьмем – угощу еще. А пока – сухой закон.

Глава 7

– И так... – Небогатов включил тактический тренажер, и над столом повис шар проекции с точками звезд и пылевидной туманностью. – Пора и делом заняться. Что видите, господин капитан третьего ранга?

Полубой сдвинул густые брови и прошелся вокруг голограммы, внимательно ее разглядывая.

– Туманность... Здесь вроде астероиды. А где это?

– Туманность Серебряная Пыль. Вот это самая близкая к месту действия звезда, это – скопление астероидов, планеты и спутники планет.

– Ага, – Полубой кивнул, – теперь понял. Здесь Птолемей расшаршил Секиру Мауро и забрал «мороженое мясо», так? Вот в этом секторе.

– Хорошо, что тебе не приходится делать доклады на военном совете. «Расшаршил»! Блестяще спланированная и не менее блестяще проведенная операция по перехвату конвоя, сопровождаемого почти вдвое превосходящими силами! Именно после боя у Серебряной Пыли наши аналитики насторожились. – Небогатов поиграл сенсорами клавиатуры, увеличивая масштаб. Голограмма расцветилась красными и синими точками. – Красные – конвой, синие – Птолемей. Это его флагман – «Демосфен». Вот здесь на своей «Лилии» находился Мауро. Чтобы тебе было удобней, классифицируем его корабли по принятой в военном флоте системе.

Полубой присел на стул напротив голограммы, с комфортом вытянув ноги, и зевнул, слегка прикрывшись ладонью. Он знал за своим другом слабость – любую беседу превращать в лекцию, а уж о тактике Кирилл мог говорить часами. Небогатов подозрительно покосился на него, но промолчал. Собственно, расклад сил перед боем Касьян знал – все это подробно разбиралось в прессе, однако раз Небогатов решил уделить этому время, значит, у него были свои интересные соображения.

У гетайра было девять кораблей, в то время как Секира Мауро располагал двадцатью одним вымпелом, из которых шестнадцать были боевыми кораблями. По принятой классификации судов эти корабли были чем-то средним между корветом и фрегатом, то есть его эскадра была однородна по составу.

«Демосфен» Птолемея по вооружению, энергетической установке и численности экипажа подходил под определение эсминца, но с некоторыми оговорками: на нем почти не было противообордажных оружейных установок, однако три «онагра» и двенадцать «тарантулов» могли пресечь любую попытку выйти на дистанцию выброса обордажных команд. К тому же, видимо, предполагалось, что «Демосфен» сам будет нападать и ему не придется отбиваться от чужого десанта. Из восьми кораблей три были фрегатами, а пять подходили под определение тяжелых «дестроеров» – перехватчиков дальнего радиуса действия.

Мауро издали обнаружил противника и выдвинул вперед кулак из семи корветов, два оставил при себе, непосредственно в порядке транспортников, приказав остальным прикрывать фланги, – пользуясь численным превосходством, он решил прорваться сквозь строй противника с ходу.

Птолемей начал бой, расставив свои силы по классической схеме, принятой Александром Македонским: фалангой являлся «Демосфен», конницу слева заменяли «дестроеры», а фрегаты выполняли роль малой фаланги и агироспидов.

Секира Мауро ввязался в бой без разведки, и это было его главной ошибкой – он принял за фрегат прикрывшийся полем отражения «Демосфен». У Мауро был шанс победить, если бы он попытался охватить группу гетайра с флангов, однако он атаковал в лоб.

Конвой торговцев «мясом» сблизился с Птолемеем на дистанцию выстрела его главного калибра, но гетайр не открывал огня, скрывая до поры свое преимущество. Лишь когда корветы авангарда Мауро вступили в бой, «Демосфен» открыл свою сущность самым печальным для пиратов образом. Ответный залп трех «онагров» был ужасен: один корвет мгновенно превратился в небольшую звезду, еще два окутались клубами пара и застопорили ход, а на четыре оставшихся обрушились фрегаты, поддерживаемые огнем с «Демосфена».

«Дестроеры» тем временем навалились на корветы правого фланга, терзая их, словно катафракты персидскую пехоту. Мауро, который не знал, то ли идти на помощь авангарду, то ли отбиваться от перехватчиков, заметался. Он двинул вперед силы левого фланга, однако «Демосфен» даже не позволил им приблизиться на дистанцию прицельного выстрела – его орудия поставили перед корветами непроницаемую стену гравитационных возмущений, подобную стене копий сарисфоров фаланги Александра Македонского.

В создавшейся ситуации Секира Мауро принял единственно верное решение: приказал транспортам уходить, надеясь задержать противника оставшимися кораблями. Он хорошо понимал, что потерю сорока с лишним тысяч рабов ему не простят, однако было уже поздно – флагман Птолемея двинулся вперед и, ворвавшись в ордер транспортников, выбросил абордажные боты.

Бой превратился в свалку, «Лилия» получила серьезные повреждения, из прикрывавших ее корветов один разваливался на глазах Мауро, а на втором шла абордажная схватка, в исходе которой сомнений не было – к корвету присосались сразу два абордажных бота.

Пираты бросились врассыпную, четверем удалось уйти, но один из «дестроеров», которым командовал, как оказалось впоследствии, сам Птолемей, догнал и добил поврежденную «Лилию» Секиры Мауро. Пленных Птолемей не брал.

– Тебе ничего не показалось странным в тактике гетайра? – спросил Небогатов.

Полубой глубокомысленно кашлянул. На самом деле ему совсем не хотелось размышлять о тактических схемах, тем более флотских сражений, но чтобы не обидеть Кирилла, он принял задумчивый вид.

– Ну, то, что он не брал пленных? Так я на его месте поступил бы так же – ненавижу торговцев «мясом».

– Я не о том, – нетерпеливо отмахнулся Небогатов. – После этого боя в нашей разведке и заподозрили, что под именем Птолемея скрывается кто-то, служивший в русском флоте, причем не на последних ролях.

– Он стал преследовать Мауро до уничтожения? – озарило Полубоя.

– Нет. Думай, Касьян! Чему тебя учили? Ну!

– Чему учили – все забыл, – буркнул Полубой и поднял глаза к потолку каюты. – М-м... э-э...

– Что ты блеешь, как баран стреноженный? – осерчал Небогатов.

– Баранов не треножат, – поправил его Касьян. – Чего ты пристал? Сдались мне твои загадки!

– Эх... – Небогатов переключил проекцию. – Посмотри, он же вломился в середину ордера! Ни в одном флоте этому не учат, только у нас и только на курсах по каперской тактике.

Полубой встал и шагнул ближе к голограмме. Широкой, как лопата, ладонью он отсек на проекции отметки транспортов от корветов Мауро и ухмыльнулся.

– А ведь верно. Молодец парень!

– О чем и речь, – кивнул Небогатов. – В противном случае, какое бы ни было у Птолемея преимущество в орудиях, в конце концов к нему подобрался бы вплотную, связали ближним боем, а транспорты тем временем ушли бы. Парни из разведки выяснили, кто из офицеров состава флота, окончивших курсы каперов в последние пять лет, находится вне пределов русского сектора, и в результате проверки вышли на сына Великого князя.

Полубой опять плюхнулся в кресло и пожал плечами:

– А нам-то это каким боком поможет? Мы и так знаем, кого надо ловить.

– Тебе, может, и не поможет, но мне – еще как. Его «Демосфен» и мой «Дерзкий» почти однотипные корабли, но у меня преимущество в вооружении, значит, на лобовое столкновение он не пойдет.

– Это если данные разведки верны и на «Демосфене» только три «онагра».

– Верно, однако вот здесь у меня, – Кирилл постучал пальцем по пульту тренажера, – все операции, в которых участвовал капитан третьего ранга Кайсаров, и если придется брать его с боя, то лучше знать, чего можно от него ожидать. Согласен?

– Согласен. Еще бы выяснить, сколько у него людей в экипаже и сколько из них абордажников с опытом боевых действий, а больше нечего и пожелать.

– С опытом – все. У Александра новичков нет, но количество придется определять на месте. А «Демосфен» придется уничтожить.

Полубой хмуро взглянул на Небогатова:

– Угу. Вместе с командой. Насколько я понял Константина, наверху сильно озабочены, чтобы все, близко знавшие гетайра Птолемея, хранили молчание.

– Ты правильно его понял. Ладно, не будем о грустном. Абордаж я обеспечу, твое дело – захватить и вывезти Кайсарова. – Кирилл помолчал и добавил многозначительно: – Или его тело.

Глава 8

Кэптен Мэтью Рендал, коренастый, плотный, с массивной челюстью, выдающей упрямый нрав своего обладателя, проводил взглядом долговязую фигуру контр-адмирала, дождался, пока створки лифта сомкнутся за ним, и перевел дух. Присутствие начальства на вверенном ему корабле всегда раздражало Рендала, но только в дурном сне могло присниться, что командовать операцией назначат Стивена Хаксли и что он пожелает поднять флаг на «Тихуане».

Второй помощник Анхель Субисаретта, чья вахта подходила к концу, с пониманием взглянул на кэптена.

– Кофе, сэр?

– Неплохо бы, – согласился Рендал. – Вызови-ка «Юкон».

Субисаретта отдал распоряжение, и через несколько секунд на экране возникло спокойное загорелое лицо Кристофера Макензи – командира крейсера «Форт Юкон», который висел над Нойрадисом в пределах прямой видимости с «Тихуаны». Под немного насмешливым взглядом Макензи Рендал отхлебнул кофе и поморщился. Обычно для вахты заваривали натуральный кофе, но в присутствии контр-адмирала, по молчаливому одобрению кэптена, кок стал варить бурду, которая входила в рацион команды согласно принятым во флоте стандартам. Всем было известно, что Хаксли строг до анекдотичности в том, что касалось устава и порядка, и потому кок решил попусту не рисковать.

– Тяжело? – участливо спросил Макензи.

– А ты как думаешь? – огрызнулся Рендал. – Господи, есть на свете справедливость или ее вовсе нет? Почему все проверяющие прутся ко мне, почему что ни парад, так именно «Тихуана» должна представлять Четвертый флот, почему, наконец, тебя посылают для ремонта в Голдбей, а меня – в гнилую дыру, где пиво варят из кукурузы, а виски пахнет мочой?

– Потому, что твой корабль самый лучший на флоте, – серьезно ответил Макензи и прикусил губу, чтобы не улыбнуться. Рендал мог и обидеться, а кто тогда составит еженедельную пару для партии в бридж Макензи и его жене?

Рендал взглянул в обзорный экран на планету, опостылевшую за пять дней ожидания. Как обычно, экваториальная часть была скрыта темными облаками, отчего Нойрадис казался разделенным на два полушария, висящих в пространстве независимо друг от друга. Кэптен прихлебнул из кружки и с досадой поставил ее на пульт.

– Что от Петерсона и Намиена?

Две группы фрегатов под началом командеров Петерсона и Намиена прятались за лунами Нойрадиса в готовности по зеленому коду. Им было запрещено вести радиообмен, и поэтому переговариваться они могли только световым кодом.

– Ничего, – пожал плечами Макензи, – сидят в радиомолчании, энергетические установки держат в одной десятой – только для прикрытия. «Москиты» молчат?

Рендал угрюмо кивнул. «Москиты» – беспилотные разведчики, выброшенные за двести тысяч миль от Нойрадиса, должны были предупредить основные силы о появлении противника.

А противник ожидался серьезный.

Месяц назад министр обороны Содружества созвал совещание высшего командного состава флота с участием представителей разведки. Встреча продолжалась более полутора часов. Через сутки после совещания из состава Четвертого флота была создана ударная группа кораблей в составе тяжелых крейсеров «Тихуана», «Форт Юкон» и приданных им двух флотилий фрегатов под общим командованием контр-адмирала Стивена Хаксли по прозвищу Сарыч.

Командующий флотом Содружества четырехзвездный адмирал Контениус в коротком приказе поставил ударной группе задачу: предотвратить нападение гетайров Александра Вели-

кого на рудники компании «Макнамара инк.» на планете Нойрадис. Разработка операции не заняла много времени и проводилась в глубочайшей тайне, что было вполне объяснимо: во-первых, общественное мнение, управляемое средствами массовой информации, успело сделать из Александра защитника обездоленных, объявив его чуть ли не посланником самого Господа, а во-вторых, флот посчитал, что Госдепартамент, согласившийся на наглое требование русских о передаче им верховного командования объединенными силами, умалил честь Вооруженных сил Содружества. Так что успешная (первая успешная!) операция против гетайров Александра должна была не только реабилитировать флот, но и заставить русских слегка поумерить амбиции. Поэтому операции и придавалось столь большое значение и ее подготовка была окутана столь большой секретностью. Даже семьи офицеров и старшин не знали, в какой сектор космоса следуют корабли мужей и отцов.

План операции базировался на том, что разведка впервые получила абсолютно достоверные сведения о планах Александра (желание успеха было столь велико, что редкие голоса сомневающихся были отмечены как голоса паникеров и гипертрофированных скептиков). Штабом было решено организовать засаду и при выходе кораблей гетайров к Нойрадису, пользуясь преимуществом в вооружении, нанести им как можно больший урон. Остатки пиратов должны были предстать перед судом, на котором наконец-то можно было бы развенчать Александра Великого, показав народу Содружества его истинное лицо. Даже не лицо, а личину обыкновенного бандита, скрывающегося под маской освободителя и защитника, призывающего людей в лучезарное справедливое будущее.

Ударная группа прибыла к Нойрадису пять суток назад.

Количество служащих компании «Макнамара инк.» на планете не превышало трех тысяч человек, включая вооруженную легким оружием сотню охраны. Четыре рудника, расположенные на архипелаге, протянувшемся по экватору с севера на юг, добывали тридцать процентов френиума от общего мирового объема. Орбитальной защиты планета не имела. Над экваториальной зоной висели два огромных терминала, с которых грузовые суда забирали добытую и переработанную на планете руду. Обычно грузовики Макнамары забирали френиум раз в два месяца, и по данным, источник которых разведка, как обычно, не назвала, гетайры Александра должны были перехватить ценнейшее сырье. Если учесть недавнее нападение гетайров (в чем аналитики разведуправления флота ничуть не сомневались) на рудники компании «Юниверсити Маунтейн», то четко прослеживался интерес Александра к мировой добыче френиума. Правительство Содружества никак не могло допустить, чтобы промышленность испытывала недостаток редкого минерала, а потому было решено преподать Александру наглядный урок: одно дело – пиратствовать на пассажирских линиях, и совсем другое – затронуть интересы могущественных компаний, поддерживаемых государством...

Контр-адмирал Хаксли прибыл на «Тихуану», выслушал рапорт Рендала и немедленно сделал ему строгое замечание по поводу отсутствия двух световых элементов в ограждении причальной платформы.

За время полета к Нойрадису три раза в сутки, точно по уставу, играли боевую тревогу, ежедневные проверки боеготовности всех помещений корабля от оружейных постов до галлюнов довели команду до тихого бешенства, вахты боялись больше, чем противника, поскольку контр-адмирал мог нагрянуть в рубку или на боевые посты в любую минуту. Рендал, опасаясь, что кто-то из команды сорвется, попытался переговорить с Хаксли как офицер с офицером, однако получил очередное замечание по поводу неправильно пришитой эмблемы, плюнул и отступился. Оставалось только надеяться, что нападение гетайров не заставит себя ждать и операция под названием «Королевский горноста́й», прозванная командами кораблей ударной группы «Е...й хорек», наконец закончится.

Сегодня Хаксли, ко всему прочему, обнаружил погрешность в наведении «баллист» – главного калибра «Тихуаны», – превышающую стандартную на ноль целых сколько-то там

тысячных, и заставил Рендала начать корректировку орудий. Возражения кэптана, что в случае огневого контакта придется ограничиться стрельбой из средних орудий, в расчет приняты не были. Хаксли заявил, что он отвечает за все, но рапорт о низкой боеготовности крейсера будет подан в любом случае. Скрипя зубами Рендал начал корректировку.

Доклад оператора «москитов» прозвучал для кэптана как глас свыше.

– Контакт с группой неопознанных объектов. Поле отражения третьего класса, силовое поле – ноль пять, идут в походном порядке... э-э... двумя колоннами. Время до огневого контакта – двадцать семь минут.

– Наконец-то! – воскликнул Рендал, считывая с дисплея данные. – Боевая тревога. Это, по-вашему, ордер две колонны? Куча-мала какая-то. Крис, как насчет бриджа?

– Ждем вас с Элионор в субботу, как обычно, – улыбнулся Макензи, кивнул и отключился.

Баззеры боевой тревоги прозвучали в отсеках небесной музыкой, означающей конец тоскливому ожиданию.

Сцепившиеся силовыми каркасами с терминалами крейсера были невидимы для постов обнаружения кораблей гетайров, что позволяло им подпустить противника на расстояние «пистолетного выстрела». Кэптен Рендал рассчитывал показать пиратам, что игра проиграна, первым же залпом отсекая гетайрам пути отхода. Флотилии фрегатов высажат на корабли пиратов призовые команды, после чего останется только отконвоировать пленных и получить заслуженные награды. В том, что наградами не обойдут никого, Рендал не сомневался. Конечно, больше всех поздравлений придется на долю Хаксли, но кэптана это не огорчало. Главное, чтобы контр-адмирал как можно быстрее оставил мостик «Тихуаны».

Хаксли, как выяснилось, имел на предстоящие события свою точку зрения. Появившись на мостике, он первым делом занял место Рендала, заставив того пересест в кресло первого помощника.

– Не слышу доклада, – проскрипел Сарыч, устраиваясь тощим задом в кресле командира крейсера.

Оператор повторил доклад, скорректировав время до контакта. Хаксли повернул лысую голову к Рендалу:

– Силовое поле ноль пять? Да они совсем обнаглели. – Контр-адмирал выпятил нижнюю губу. – Ваши предложения, кэптен?

– Отсекающим огнем перекрыть пути отхода, после чего предъявить ультиматум. В случае сопротивления...

– Они не примут никаких условий, – отрубил Хаксли, – это же ясно, как божий день! Мы не должны подвергать наши корабли ни малейшей опасности, если есть такая возможность. Огонь на поражение, после чего подбираем оставшихся. – Контр-адмирал отвернулся, считая разговор исчерпанным.

– Но, сэр... мы еще не получили данных о типах кораблей. Наш главный калибр...

– А кстати, вы закончили корректировку «баллист»?

– Нет, но...

– Весьма прискорбно, однако это мало что меняет. Связь с «Форт Юкон», – приказал Хаксли.

Макензи, выслушав приказ, попытался возразить – план боя они с Рендалом разработали еще до подхода к Нойрадису.

– Я принял к сведению ваши возражения, кэптен Макензи, – сказал Хаксли. – Радуйтесь, что вся слава достанется вам – главный калибр «Тихуаны» не готов к бою, так что мы будем работать по площадям. Класс кораблей определен?

– Если судить по размерам и интенсивности поля отражения, то не ниже эсминцев. Корабли однотипные.

– Семь эскадренных миноносцев! – воскликнул Хаксли. – И вы предлагаете начать с ними переговоры? А если они прорвутся на дистанцию применения ракет?

– Сэр, залп «баллист» превратит любой эсминец в пыль, – угрюмо сказал Макензи. – Если мы хотим доставить в Нью-Вашингтон пленных, то нам следует пересмотреть план боя.

– Выполняйте приказ, – отрезал Хаксли.

Макензи козырнул и исчез с экрана.

Медленно потекли минуты. Рендал не мог отделаться от впечатления, что где-то они сделали ошибку. Не могли испытанные уже не в одном бою гетайры вот так переть напролом. Без разведки, без флангового прикрытия, без тщательного прошупывания пространства вокруг Нойрадиса.

– Сэр, – наконец решился кэптен, – я все-таки настоятельно рекомендую предложить противнику капитуляцию. Наша задача...

– Можете подать рапорт о несогласии в действиях с командующим группой, кэптен Рендал, – сухо сказал Хаксли.

– Не премину это сделать.

Корабли противника вошли в пределы досягаемости «баллист», и счет пошел на секунды. Рендал беспомощно следил, как истекают последние мгновения перед залпом, но предпринять что-либо было не в его силах.

Объединенные в одну системы управления огнем выдали приказ на открытие огня.

Дрогнув пол, сместившиеся на мгновение линии силового поля тряхнули «Тихуану». Свет на мостике мигнул – «баллисты» забирали при общем залпе семьдесят процентов энергии крейсера.

Гравитационные возмущения накрыли приближающиеся корабли. Рендал выпятил челюсть. Он бывал не в одном бою, но то, что происходило сейчас, нельзя было назвать схваткой. Это была бойня, избиение...

Жалкое силовое поле не могло оказать сопротивления выстрелам главного калибра крейсеров. Два корабля противника взорвались мгновенно, превращаясь вместе с экипажем в сгусток нестерпимо-яростного света. Еще три были отброшены и, распадаясь на части, беспомощно повисли в пустоте. Оставшиеся пытались выйти веером из-под удара, но второй залп «баллист» накрыл и их.

Экран расцвел множеством отметок.

– Ага! – торжествуя воскликнул Хаксли. – Они все-таки пытаются выбросить абордажные боты. Петерсону и Намиену – отразить нападение.

Сейчас контр-адмирал оправдывал свою кличку как никогда. Вытянув худую шею, вцепившись в поручни кресла, он навис над обзорным экраном, будто ждал, когда загнанная добыча прекратит сопротивление и можно будет без помех насладиться падалью.

Фрегаты окружили остатки группы гетайров. Заработали «единороги». Отметки ботов одна за другой исчезали с экранов. Внезапно фрегаты один за другим прекратили огонь.

– В чем дело? – каркнул Хаксли. – Почему без приказа прекратили огонь?

На экране возник белый как полотно Макензи.

– Сэр... это не Александр. Это не гетайры и даже не боевые корабли. Это транспортники.

Два часа спустя Рендал сидел в центральном посту сторбленный и жалкий, будто постарел за эти часы на несколько десятилетий. Фрегаты и спущенные с крейсеров модули продолжали подбирать в районе катастрофы немногих уцелевших и обгорелые, раздавленные, разорванные заледеневшие трупы.

Транспорты везли на Нойрадис несколько тысяч переселенцев, завербованных компанией Макнамары для освоения и эксплуатации природных ресурсов планеты. Это были рабо-

тяги, фермеры и служащие, почти все с семьями. Причем большинство из них были гражданами Содружества!

Поднятый на борт фрегата капитан одного из кораблей бросился на Петерсона с кулаками, остановили его только с помощью шокера. Когда он пришел в себя, то, даваясь рыданиями, рассказал командиру фрегата эпопею каравана.

Они вышли из порта Литтл Рок, где формировался караван, десять суток назад. Семь транспортов приняли на борт около шести тысяч переселенцев. Два раза отбивались от одиночных пиратских кораблей, а в третий раз отбиться не смогли. Три пиратских корабля шли с караваном параллельным курсом и методично обстреливали транспортники. Орудия у корсаров были среднего калибра, и рано или поздно они принудили бы караван остановиться. Как в сказке, появились два корвета под командованием гетайра Неарха. Он уничтожил один пиратский корабль и заставил два других уносить ноги. На караване думали, что попали из огня в полмя, однако Неарх сопровождал транспорты оставшуюся часть пути, а напоследок пожелал им доброго пути, удачи в их трудной миссии. Его корабли отвалили несколько часов назад, когда каравану, казалось бы, ничего не угрожало. Казалось...

– Это было тяжело, сэр. – Петерсон, белобрысый, нескладный внешне, но очень дельный офицер, старался говорить спокойно, однако было видно, каким трудом это спокойствие ему дается. – Этот старик... капитан транспорта... старый космический волк, грубый, можно сказать – неотесанный... он плакал, как ребенок...

– Оставьте сантименты, командер, – прикрикнул Хаксли, – слезливые подробности меня не интересуют. Каковы потери в людях?

– С нашей стороны? – сухо спросил Петерсон, и Рендал ему мысленно заплодировал.

– Со стороны вероятного... потенциального... Черт вас возьми! Вы меня поняли, отвечайте на вопрос!

– На данный момент мы подобрали около девятисот человек. Если бы мы сделали предложение о сдаче... – начал Петерсон.

– Продолжайте поиски, – прервал его контр-адмирал, – и не лезьте не в свое дело.

Петерсон отключился. Рендал переглянулся с Макензи. Лицо командира «Форта Юкон» шло пятнами, словно ему надавали пощечин. Рендал только усилием воли заставлял себя оставаться на мостике, пока идут спасательные работы, так бы он давно заперся в каюте и напился до розовых слонов.

– Что передать в штаб флота? – спросил он.

– Сами сообразите, – скрипнул Хаксли, – не могу же я все за вас решать. – Он взглянул на экран, откуда на него не мигая смотрел Макензи, перевел взгляд на Рендала и скривился: – Этого следовало ожидать, если принять во внимание состояние боеготовности вверенных вам кораблей, господ.

Рендал расстегнул воротник кителя. Его душила ярость, и если бы не присутствие на мостике вахтенного офицера и нижних чинов...

– Тебе проще, Мэт, – тихо сказал Макензи, – ты бил по площадям. Это я расстрелял караван.

– Не говори ерунды, – прошипел Рендал, покосившись на контр-адмирала, отвернувшегося к обзорным экранам, – я тоже накрыл транспортники. Мы выполняли приказ, так об этом и думай.

– Приказ... – повторил Макензи. – Они летели, чтобы начать новую жизнь. Мужчины, женщины, старики, дети. Дети... Ладно, Мэт. – Он кивнул, глядя перед собой остановившимися глазами.

Экран погас. Рендал откинулся на спинку кресла, пытаясь составить рапорт Контениусу. Нет, это подождет.

– Где размещают выживших? – спросил он второго помощника.

– Намиен доложил, что места на фрегатах хватит для всех, – отозвался Субисаретта. – Не так уж много и осталось этих бедолаг.

– Прикажите проложить курс на базу, – раздался голос Хаксли, – фрегаты командера Петерсона останутся и доставят на планету... м-м... спасенных. – Строго оглядев присутствующих, он направился к лифту.

– Запрос с «Форта Юкон», сэр, – доложил оператор.

– Что там еще?

На экране возник командер Раусе – первый помощник командира крейсера. На него было жалко смотреть: губы офицера тряслись, лицо кривилось.

– Что? – одними губами спросил Рендал.

– Кэптен Макензи... застрелился. Принимаю командование крейсером на себя, – доложил Раусе.

– Мальчишка! Истеришка! – рявкнул Хаксли, входя в лифт.

Рендала будто порывом ветра сорвало с кресла. Он почти успел остановить смыкающиеся створки дверей, когда дорогу ему преградил второй помощник.

– Сэр!

– С дороги, лейтенант! – зарычал Рендал.

– Нет, сэр! Нет. Не стоит он того, – твердо сказал Субисаретта.

– Анхель! – Рендал схватил помощника за отвороты мундира. – С дороги! Иначе...

– Сэр, – голос старшины, оператора связи, отрезвил Рендала, – командер Петерсон запрашивает, что делать с оставшимся на ходу транспортом. Пробоины они залатали.

Кэптен вернулся в кресло. Машинально он отдавал приказы, согласовывал с командирами флотилий дальнейшие действия, пытался составить рапорт о случившемся. Он попытался предвидеть последствия провала операции. Макензи мертв; если трибунал будет разбирать действия командиров кораблей, то против его, Мэтью Рендала, слова будет слово контр-адмирала Хаксли. Свидетелей – Субисаретту, навигатора и операторов – вряд ли примут в расчет, да и допрашивать, скорее всего, не будут. Просто прикажут молчать – слишком уж грязное дело. Стало быть, отвечать будет он. Стало быть – отставка...

Кэптен Мэтью Рендал не мог предугадать политических последствий катастрофы над Нойрадисом, а они были гораздо серьезней выводов военного трибунала.

Глава 9

Вторая неделя полета подходила к концу. Корабль жил походной жизнью – сменялись вахты, проводились плановые учения, Полубой ежедневно изматывал свою команду тренингами, чтобы, по его выражению, кровь в жилах веселей бежала. Касьян со своим помощником – лейтенантом Андреем Старгородским, который был штатным командиром взвода, принимали пищу в кают-компани «Дерзкого» на первой палубе и успели перезнакомиться со всеми офицерами корабля. Темы, обсуждаемые в кают-компани, были типичны для мужчин, на неопределенный срок оторванных от благ цивилизации и вынужденных общаться только друг с другом. В основном обсуждались спорт, проблемы флота, знакомые женщины, проявлявшие благосклонность к холостым офицерам. Реже поднимались темы искусства, еще реже – политики, которую почитали делом грязным и недостойным обсуждения. Флот всегда находился в несколько привилегированном положении относительно армии – здесь было вполне позволительно «пройтись» по начальству вплоть до министра обороны, и даже обсуждение особ императорской фамилии было в порядке вещей. Исключение составляли единственно его императорское величество и члены его семьи – императрица София, наследник престола царевич Владимир и княжны Мария и Наталия... Нет, и в армии тоже считалось, что «дворянин всегда может высказать свое суждение о другом дворянине», но большинство армейских офицеров были дворянами первого, так сказать, поколения, получившими дворянство вместе с первым офицерским чином, и потому подсознательно испытывали некоторый излишний пиетет перед большими чинами (во всяком случае изначально). А флот всегда был заповедником аристократии. Специальной дискриминации в этом не было, просто для поступления во флотские училища всегда нужно было быть чуть лучше, там всегда были чуть сложнее экзамены, чуть выше проходные баллы. То есть подготовка рядового школьника для поступления во флотские училища всегда стоила заметно дороже и не всем была по карману. Либо надо было быть выпускником какой-нибудь элитарной школы, в которую опять же не все могли поступить. Так что сыновья фермеров, инженеров и менеджеров среднего звена, бредящие военной службой, встречались во флотских училищах заметно реже, чем в армейских...

Небогатов, если не был на вахте, также участвовал в разговорах в кают-компани, однако здесь ни звание, ни должность не давали ему преимущества – его мнение выслушивалось, принималось к сведению, но и только. Оспорить его высказывания позволяли себе даже лейтенанты Титов и Ковалев, и было это, как понял Полубой, в порядке вещей. Сначала его это несколько коробило, однако когда он высказал свое недоумение Кириллу, тот пожал плечами:

– Флот всегда отличало некоторое фрондерство. А кают-компани в этом отношении вообще заповедник. Ну как в войсках офицерское собрание. И это единственное помещение на корабле, где официально хозяин не капитан, а старпом. Причем даже не хозяин, а скорее распорядитель... Просто в войсках в офицерское собрание приходят не каждый день, поскольку и так есть куда пойти, а мы здесь все в одной железной банке...

– Да уж, – хмыкнул Касьян, – в банке... Как те самые, как их... скорпионы. Геннадий Никифорович вообще ядом уже не плюется, а дышит.

Кирилл усмехнулся.

– Ну, Сергей Александрович, корабельный врач, как-то при всей честной компани после очередного эскапе заявил, что даже без всяких анализов может диагностировать у него несварение желудка, воспаление желчного пузыря и систематические запоры.

Полубой гулко расхохотался.

– Но при этом специалист он первоклассный и человек чести. И заметь, при всей критике, которую ты слышишь, при всей язвительности формулировок и замечаний никто из офицеров

не позволит себе критиковать решения государя или подвергнуть сомнению существующий порядок вещей, в том числе и государственный строй. Либералы неуместны в армии и на флоте.

За время полета произошел только один инцидент: комендор первого класса старшина второй статьи Снегирев заявил сержанту Умарову, что морская пехота на эсминце суть пассажирские, а потому нечего тут строить из себя крутых парней. Сержант мигом доказал свою крутость, что стоило старшине Снегиреву подбитого глаза, после чего оба смогли продолжить дискуссию на гауптвахте, роль которой на эсминце выполнял так называемый «канатный ящик». Канатов, естественно, там никаких не было, но крохотное, едва отапливаемое помещение на корме «Дерзкого», выделенное боцманом Опанасенко для всякого рода дебоширов, и «трехразовое питание» (то есть пища выдавалась только в понедельник, среду и пятницу, а все остальное время только вода) быстро примирили спорщиков.

Полубою была предоставлена каюта, тогда как лейтенант Старгородский, ввиду отсутствия свободного места, жил с остальными морпехами, которым выделили два кубрика на второй палубе, где жили матросы и старшины и находились вспомогательные службы. Энергетическая установка, реактор, накопители и ангары для ботов и разведчиков занимали третью палубу.

Поддерживая крейсерскую скорость, эсминец двигался к точке, по достижению которой Небогатов должен был получить указания относительно конечного пункта – зоны барражирования вблизи района, контролируемого гетайрами. С чем была связана подобная необходимость – с повышенной секретностью задания или разведка окончательно еще не определила район операции, – было неизвестно ни Кириллу, ни тем более Полубою.

В два тридцать по корабельному времени Небогатов сдал вахту Гаркуше, сделал обязательный обход боевых постов и уже направился к своей каюте, когда его срочно вызвали на мостик. Вряд ли первый помощник стал беспокоить командира по таким пустякам, как обнаружение грузового или пассажирского лайнера – эсминец шел, используя всю мощность поля отражения и был невидим для встречных кораблей, за исключением разведывательных, – и капитан первого ранга поспешил вернуться в рубку.

– Приняли «SOS», – коротко доложил Гаркуша, – транспортник под флагом Лиги терпит бедствие – после отказа системы предупреждения попали под удар метеорита, возможен взрыв реактора. Они успели сбросить накопители плазмы, но рубка управления разрушена, жизнеобеспечение отказало. Могут продержаться около четырех часов. Масса покая транспорта около трехсот тысяч тонн, команда – шестьдесят человек.

– Где они находятся?

– Вблизи Танталя, это дельта Медузы. На полном ходу мы будем возле него через полтора часа.

– Меняем курс. Поддерживайте с ними связь, меня разбудить, когда будем на подходе. Приготовить все, что есть, для снятия экипажа: посадочные модули, абордажные боты и «кречеты», – распорядился Небогатов, – поле отражения поднять до максимума – может, обойдемся помощью в ремонте, а демаскироваться не хотелось бы.

Шагая по направлению к каюте Полубою, он ощутил, как дрогнул пол – «Дерзкий» набирал скорость.

Касьян спал, по обыкновению вольготно раскинувшись на койке. Кирилл только наклонился, как Полубой мгновенно открыл глаза и посмотрел на него, будто и не спал вовсе.

– Что?

– Мы сменили курс. Транспортник терпит бедствие. Будем на месте через полтора часа. Возможно, понадобится помощь твоих ребят – там может быть много раненых.

– Понял, сделаем, – коротко сказал Полубой и повернулся на другой бок, – но еще часок мой...

В четыре часа Касьян проснулся, привел себя в порядок и направился в кубрик к своим бойцам. По дороге он заглянул на камбуз и попросил кока заварить на всех кофе покрепче и через десять минут принести его в кубрик.

Пехотинцы поднялись как по тревоге – знали, что командир просто так среди ночи будить не будет. Полубой спокойно объяснил, что тревога не учебная, но и не боевая, а тут и кофе подоспел.

– Значит, так, – буднично, почти по-семейному, Касьян расположился на чьей-то койке с кружкой в руке, – мы идем на помощь транспортнику. Насколько я понял капитана Небогатова, придется высаживаться, потому что там могут быть раненые. Андрей, ты и сержант Умаров пилотируете боты. Пойдете без второго номера, чтобы взять побольше людей. Остальные высаживаются на транспорт, эвакуируют пострадавших. Если там паника – пресекать сразу, в зародыше, но без стрельбы. Все понятно?

– Все, – ответил за всех Старгородский. – Это, помню, летел я на...

– После твои байки послушаем. Броню со скафандров снять, из оружия – только личное. Заодно еще разок отретперируем абордаж. Готовьтесь. – Полубой допил кофе и вышел из кубрика.

Обзорные экраны пестрели пометками обломков скал и астероидов, большинство из которых не уступали размерами эсминцу, а многие превосходили. «Дерзкий» снизил ход. Транспортник удалось обнаружить не сразу, что объяснялось составом вещества, из которого состояли астероиды, – это был своего рода космический рудник, в котором наряду с железом присутствовали и редкие металлы. Команда «Дерзкого» несла вахту согласно ордеру «к терпящему бедствие».

Полубой присоединился к Небогатову на мостике, как раз когда лейтенанту Титову удалось нащупать датчиками висевший без хода корабль.

– Поле отражения фрагментарное, силовое поле соответствует третьему классу, задействовано на сорок процентов. Странно, я не вижу повреждений, – пробормотал лейтенант, закончив доклад.

– Подойдем поближе – увидим, – сказал Гаркуша, – помехи мешают. Связь есть?

– Видео нет, – ответил оператор, – они говорят, что команда сосредоточена возле грузового трюма, просят выслать спасательные партии. Запрашивают, какого класса корабль.

– Передай – класс корабля как раз подходит для их спасения. Или они будут ждать кого-то другого?

До терпящего бедствие судна было не более десяти миль. Небогатов обернулся к Полубою:

– Твои смогут подойти?

Полубой нахмурился, разглядывая картинку на экране. В пространстве хаотически перемещались обломки скал, то и дело закрывая подходы к транспорту. Эсминцу они не причинили бы вреда, но боты и модули могли пострадать.

– Можно попробовать, – с сомнением сказал Касьян.

– Готовь команду. Титов, отсканируй его, – Небогатов кивнул на экран, – интересно, что он перевозил и для чего забрался в такую глушь.

Полубой связался с лейтенантом Старгородским и приказал грузиться в боты.

Титов, сосредоточенно бегая пальцами по сенсорам, морщился, переключал режимы сканирования и наконец недоуменно взглянул на капитана первого ранга.

– Не могу отсканировать. То ли внешние помехи, то ли... м-м... они ставят.

– Кто?

– Транспорт.

– В каком состоянии их энергетическая установка, можешь проверить?

– Могу.

– К выходу готовы, – раздался в рубке голос Старгородского.

Полубой предупредил его, что на подходе к транспорту много обломков, на что лейтенант ответил, что не впервой, и Касьян кивнул Небогатову.

– Снять силовое поле, – распорядился Кирилл, – команде спасателей – выход.

– Есть сканирование, – радостно доложил Титов, – энергетическая установка в норме, работает в режиме холостого хода, готовность к запуску – ноль. Господин капитан первого ранга, – в голосе лейтенанта прозвучало недоумение, – у них шесть «скорпионов», десять «единорогов», силовое поле третьего класса. Все в норме. Повреждений не обнаружено.

Небогатов с проклятием ударил по ярко-красному грибку кнопки «боевая тревога». Баззеры взорвали тишину.

– Команде спасения – отставить выход, силовое поле на максимум, орудия к бою. Цель – транспорт.

Приказ запоздал на десятые доли секунды. Залп шести «скорпионов» будто кувалдой ударил по эсминцу. Пол вздыбился под ногами, заливисто запищали датчики герметичности. Застучали падающие в пазы переборки, отсекая поврежденные отсеки. Полубой отбросило на переборку, сбilo с ног.

– Огонь! – крикнул Небогатов.

По кораблю пронесся низкий гул – в дело вступили «онагры» «Дерзкого».

Операторы наперебой докладывали о повреждениях, векторах сближения с целью и еще десятках параметров. Полубой ошалело вертел головой, не понимая, как в этом бедламе Кирилл мог командовать кораблем.

Гравитационный удар «онагров» пробил в плавающих скалах между эсминцем и фальшивым транспортником широкий коридор и обрушился на неизвестное судно. Противник явно не ожидал, что заманит в ловушку боевой корабль, и это ему дорого обошлось.

Главный калибр сделал свое дело – транспорт, смятый посередине корпуса и ставший похожим на песочные часы, доживал последние мгновения. Пар окутывал судно, на мгновения скрывая его от глаз наблюдателей; внутренние взрывы рвали обшивку, выбрасывая в пространство трупы экипажа.

Голос Титова перекрыл общую скороговорку:

– Шестьдесят градусов по корме, 12–37, атакующий корабль, класс – корвет. Готовится открыть огонь. Приоритет цели – единица.

Небогатов повернул эсминец, чтобы ударить по противнику всем бортом. Вновь по кораблю пронесся гул.

– Есть накрытие!

– Огонь на уничтожение.

Корвет не рассчитал свои силы – «онагры» прошили его силовое поле, как ветхую ткань, взломали корпус, раздирая переборки, превращая в пар оборудование и людей.

Полубой подобрался к обзорному экрану, над которым навис капитан третьего ранга Гаркуша.

– Что случилось-то?

– Пираты, – буркнул первый помощник.

– А сигнал бедствия? «SOS»? Они что же, подманивали нас? Разве так можно?

– Как видите – можно. Вряд ли они ждали боевой корабль. Отстаньте, майор, не до вас. Господин капитан, они выбрасывают спасательные капсулы.

– Добивайте, – угрюмо скомандовал Небогатов. – Помимо того что это – бандиты, они еще и идентифицировали нас.

Через двадцать минут все было кончено – от двух пиратских кораблей остались жалкие обломки, рассеянные в радиусе десятков миль от места схватки.

Выслушав доклад о полученных повреждениях, Небогатов выругался, врезал кулаком по приборной панели и свирепо посмотрел на Полубоя, который счел за благо не соваться с расспросами.

Небогатов включил громкую связь:

– Офицерам корабля собраться в кают-компанию.

Глава 10

К назначенному Небогатовым времени офицеры собрались в кают-компанию. Длинный стол, за которым обедали свободные от вахты офицеры, был пуст, стулья с высокими спинками придвинуты вплотную к столу – все ждали появления командира.

Негромкие разговоры велись в основном вокруг прошедшего боя с засадой пиратов. Судно-ловушка «Дерзкому» попало впервые, хотя учения по отражению внезапного нападения противника, замаскированного под терпящие бедствие транспорты, проводились регулярно. «Дед» – это прозвище по традиции перешло от механиков морского флота к офицеру, отвечающему за энергетическую установку космических кораблей, – капитан-лейтенант Трегубов, багровый от возмущения, напал на артиллеристов:

– Если темнит, значит – враг! Врезал бы ему раз-другой, а потом разговоры разговаривай!

– Петрович, тебя послушать, так сначала я должен был раздолбить его на отсеки, а потом смотреть: грузовик это или ловушка, – отбивался старший лейтенант Краснов. – Кирилл ждал, пока он проявит себя, а если за кормой не уследили, так это вон кому претензии предъявляй. – Краснов указал на командира постов обнаружения и целеуказания капитан-лейтенанта Голубовича.

– Господа офицеры! – прервал спор первый помощник – в кают-компанию в сопровождении Полубоя вошел Небогатов.

– Присаживайтесь, господа, – предложил капитан первого ранга. – О чем речь?

– Вот, Григорий Петрович виноватых ищет, – сдерживая улыбку, сказал Краснов и искоса посмотрел на Трегубова.

– Виноватых нет, господин капитан-лейтенант. А ваш юмор, Сергей Александрович, считаю неуместным. Под угрозой выполнение нашей основной задачи, и давайте будем шутить после возвращения на базу. Так, прежде всего, Аркадий Вадимович, что у вас?

Лейтенант Вайнштейн, начальник медицинской службы эсминца, поднялся на ноги, задумчиво пригладил ногтем тонкие усики и лишь потом заговорил так же неспешно, как делал все, – он по натуре был нетороплив, но, как ни странно, успевал следить за всем: проверять продукты, проводить обследование экипажа, следить за сменой дыхательных и биозащитных фильтров в скафандрах. За что Небогатов его и ценил.

– Ничего серьезного, Кирилл Владимирович. – Вайнштейн и Небогатов знали друг друга не один год, и медик мог себе позволить обращаться к капитану первого ранга по имени-отчеству. – Два перелома рук, ребра, ссадины, ушибы. В основном в двигательном отсеке.

– Ну это понятно, – кивнул Небогатов. – Григорий Петрович, теперь вы. Что скажете о состоянии двигателей и энергетической установки? Только без этих ваших терминов.

Трегубов поднялся с места, обвел всех из-под нахмуренных бровей суровым взглядом, задержавшись на Краснове, и, по привычке шмыгнув носом, приступил к докладу:

– Реактор в порядке, но в установке первичного нагнетания произошли смещения по осям «z», «j», «г» и «w». Если добавить микротрещины в малой камере...

Офицеры потупились, скрывая улыбки. «Дед» все-таки сел на любимого конька – о двигателях и энергетической установке эсминца он мог говорить даже сам с собой в отсутствие слушателей и понятными исключительно ему одному словами.

Небогатов значительно кашлянул, и Трегубов осекся, непонимающе взглянул на него, потом просветлел лицом.

– Вот я и говорю: двигатели в порядке, но энергетическая установка может выдать едва половину мощности без угрозы неуправляемой реакции. Следовательно, потеря пятидесяти процентов тяги, силового поля и поля отражения. Если вас устроят пятьдесят процентов скорости...

– Ни в коей мере не устроят, – отрезал Небогатов.

– Тогда не знаю, что и делать...

– Паруса ставь, – подсказал Краснов.

– Господин старший лейтенант! – повысил голос Небогатов. – Рекомендую оставить шутки до более подходящего случая. Продолжайте, Григорий Петрович.

– Ну-у... В принципе ремонт пустячный, господин капитан первого ранга, и в условиях дока займет не более трех-четырех суток.

– Док исключается. Что мы можем сделать сейчас, не заходя в порт?

Трегубов моргнул раз-другой и беспомощно развел руками:

– Э-э... мало что. Видите ли, какое дело, придется снимать...

Небогатов прервал его движением руки, потер подбородок, будто проверяя, хорошо ли выбрит, и, поднявшись, двинулся вдоль стола.

Полубой, с комфортом устроившись в углу кают-компания, лениво наблюдал за ним. Эти посиделки в кают-компания казались ему бессмысленными – решать должен командир. То ли дело в морской пехоте! Там, пока будешь созывать совет да выслушивать всех, кто пожелает высказаться, мигом голову снимут и в футбол ею сыграют.

В задумчивости обойдя стол по кругу, Небогатов вернулся к своему месту, но присаживаться не стал.

– Положение серьезное, господа. Мы не могли игнорировать просьбу о помощи с терпящего бедствие судна, однако я должен был предвидеть подобный оборот событий. Подумаем, что мы можем сделать в сложившейся ситуации. У нас есть два варианта: следовать в указанный район, попытавшись силами экипажа устранить неисправности, и как альтернатива – зайти в ближайший порт для ремонта. Командование оставило вопрос о вариантах продолжения операции на мое усмотрение. Выполнение боевой задачи по поддержке группы «Бешеных медведей» майора Полубоя с теми повреждениями, которые имеются, я считаю проблематичным. С другой стороны: секретность нашей миссии вызовет определенные трудности при заходе в любой порт и породит вполне объяснимый интерес. Власти уместно озаботятся, например, таким вопросом: что может делать одиночный эскадренный миноносец вдали от района базирования? Теперь, господа, прошу высказываться за и против одного из двух вариантов. По традиции начнем с младшего офицера. Прошу вас, Алексей Андреевич.

Лейтенант Титов был командиром первого поста целеуказания, расположенного на юте. Он был румян, светловолос, за словом к карман не лез и был способен на неуместные, с точки зрения своего начальника, капитан-лейтенанта Голубовича, мальчишеские выходки. Однажды его одноклассник по офицерскому училищу и закадычный приятель лейтенант Коваленко на свою беду разыграл его, сообщив, что Титову за отличные показатели на учениях присвоено внеочередное офицерское звание. Титов сделал несколько голографических снимков в парадной форме с погонами старшего лейтенанта и послал помолвленной с ним девушке. Шутка была неудачная – помолвка едва не была расторгнута, поскольку девица посчитала ниже своего достоинства общаться с пустохвалом. Возмездие настигло Коваленко на очередных учениях. После поступления вводной об отказе электронной оптики и автоматической наводки орудий лейтенант Коваленко в присутствии проверяющего, контр-адмирала из штаба Северного флота, откинул защитные шторки с утопленного в пульт экрана наведения и резко склонился к нему. Тут же рубку потряс дикий крик, и лейтенант Коваленко грохнулся в обморок. Причина выяснилась мгновенно – в гнезде экрана лежала здоровенная дохлая крыса с голым мерзким хвостом и разможенной головой. Небогатов, естественно, понял, кто виновник диверсии, однако наказывать никого не стал, полагая, что молодые офицеры разберутся между собой сами. Тем более что вопль Коваленко и труп грызуна произвел на контр-адмирала странное впечатление: он поставил «зачет» всему экипажу и резво удалился, отказавшись от обеда в кают-компания.

Титов вздернул подбородок, показывая, что собственное мнение он будет отстаивать, невзирая на чины и звания.

– Господин капитан первого ранга, господа офицеры! – начал он звонким голосом. – Считаю, что приоритетным перед всеми решениями должно быть то, которое обеспечит скорейшее выполнение задания командования. И дело не в вопросах, которые возникнут при заходе в порт: право властей задавать вопросы, а наше право – отвечать или нет, поскольку проход «Дерзкого» через сектор, подконтрольный Содружеству, согласован с министерством обороны САК. Дело чести нашего экипажа... – Титов сбился, сообразив, что слишком уж выпренно начал изъясняться в кругу сослуживцев. – В общем, задача ясна, и ее надо выполнить любой ценой. Я считаю любое промедление неоправданным.

– Устами младенца глаголет истина, – одобрительно прогудел Полубой, – чего тут обсуждать. Я всегда говорил: есть приказ и...

– Господин майор, – перебил его Небогатов, – в кают-компании вы не имеете права голоса. Извольте не мешать.

Полубой набычился и побагровел, однако промолчал, пообещав себе, что припомнит Кириллу его слова.

Лейтенант опустил на стул, быстро смахнув выступившую испарину – все-таки, выступая перед офицерами, которые имели за плечами боевой опыт, он чувствовал себя не слишком уверенно.

Дальше высказывались все присутствующие. Коваленко поддержал приятеля безоговорочно, однако потом мнения разделились. Первый помощник, капитан третьего ранга Гаркуша, подытожил аргументы сторонников ремонта эсминца в порту:

– Господа, не забывайте, что мы можем столкнуться с превосходящими силами гетайров и тогда нам понадобится вся скорость и вся мощность силового поля. Отказавшись от ремонта, мы рискуем не только не выполнить задание, но и ставим под угрозу корабль и экипаж. Что касается секретности, то есть много возможностей обеспечить ее, вплоть до отмены увольнений на берег. – Коротко поклонившись в знак того, что закончил, он сел на свое место рядом с Небогатовым.

– Итак, я внимательно выслушал ваше мнение, господа. За последствия этого решения перед командованием, государем и собственной совестью отвечаю только я. Приказываю: навигатору проложить курс к ближайшей звездной системе, в пределах которой возможно осуществить ремонт корабля. Все свободны. Господин майор, прошу остаться, – добавил Небогатов.

Офицеры задвигали стульями, направляясь к выходу и вполголоса разговаривая. Приказ никто не обсуждал – время обсуждения и обмена мнениями прошло, задача была поставлена, и теперь каждый мог думать, как лучше ее решать.

Кирилл Владимирович дождался, пока последний из присутствующих на собрании выйдет и дверь скользнет в пазы, после чего подошел к Полубою и присел на край стола напротив него. Касьян сделал вид, что сильно заинтересован заусеницей на среднем пальце. Он даже попытался ухватить ее зубами.

– Ты что, голоден? – спросил Небогатов.

– Нет, – удивился Полубой, – с чего ты взял?

– Тогда прекрати глотать пальцы и слушай: пока что ты – пассажир. На этом корабле я царь и Бог. Вот ты строишь обиженную физиономию, а между прочим, если бы я не поставил тебя на место, то потерял бы часть своего авторитета среди офицеров. Да-да, мой милый господин майор. Ты должен знать, что на совещании в кают-компании имеют право высказываться только офицеры корабля. Если, конечно, тебе не предложат выступить. Тебе предлагали?

Полубой сконфуженно кашлянул:

– Ну ладно тебе... ишь как обернул! Я же еще и виноват оказался.

– Авторитет командира нарабатывается не один день, не один месяц, а может, и не один год. У вас что, не так? То-то и оно. Ладно, проехали. Давай лучше подумаем, как соблюсти секретность. Может, и вправду отменить увольнительные?

– Нет. – Полубой покачал головой. – Вот тогда и возникнут вопросы: почему экипаж не отпускают на берег? Чего боится капитан Небогатов? Поговори со старшинами – они личный состав знают лучше офицеров, и тех моряков, которые могут себе позволить лишнего, – Касьян прищелкнул пальцем по горлу, – придержи на борту. С остальными придется провести душе-спасительную беседу о соблюдении секретности, но это уже мелочи.

– Добро. А вот насчет твоих ребят у меня есть отдельное соображение. Помнишь историю морского права?

– Откуда? – удивился Полубой. – Столько лет прошло.

– А я вот помню. Был такой указ Петра Первого, и касался он, как мне теперь представляется, таких же парней, как твои. – Небогатов прикрыл глаза, делая вид, что вспоминает. – Ага, вот как он звучит: «Морских служивых людишек, кои окажутся по роду службы в иноземных портах, на берег не списывать. Ибо эта чернь слова доброго не скажет, а драку учинит незамедлительно».

– Ну... ты... – от возмущения Полубой потерял дар речи, – да мои орлы...

Небогатов расхохотался, хлопая себя по коленям.

– Купил... Как я тебя купил, а? – Он отсмеялся, вытер выступившие слезы и посерьезнел. – Нет, дело, конечно, не в указе Петра Великого. Просто уж очень сильно твои «медведи» отличаются от моряков. Достаточно внимательный взгляд сразу определит, кто есть кто. Ну а так как пассажиров на борту эскадренного миноносца не бывает по определению, то уж извини – придется тебе с ребятами куковать на борту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.